
ГЛАВА ВТОРАЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Характер молодого царя. - Морозов и Чистой. - Окончание дела королевича Вальдемара и Лубы. - Отпуск Стемпковского. - Извет на Нащокина. - Самозванцы: Ивашка Вергуненок и Тимошка Акундинов. - Распоряжение относительно Крыма. - Переговоры с Польшею о союзе против Крыма. - Посольства Стрешнева в Польшу и Киселя в Москву. - Печальное состояние народа в Московском государстве; тяжесть налогов; стремление отбывать от податей. - Женидьба царя на Милославской. - Ропот на отца царицы, Милославского, на Траханиотова и Плещеева. - Мятеж в Москве. - Судьба Морозова. - Никон. - Деятельность правительства после мятежа. - Уложение. - Меры против закладчиков, против табаку; изгнание англичан из внутренних областей. - Мятеж в Сольвычегодске, в Устюге. - Замыслы недовольных в Москве; новые обвинения против Морозова. - Мятежи во Пскове и Новгороде. - Никон в Москве; он отправляется в Соловки за мощами св. Филиппа. - Письмо к нему царя. - Никон - патриарх.

Новый царь добротою, мягкостию, способностию сильно привязываться к близким людям был похож на отца своего, но отличался большею живостью ума и характера и получил воспитание, более сообразное своему положению. Воспитателем его, как мы видели, был боярин Борис Иванович Морозов, проведенный при нем безотлучно тринадцать лет. Молодой Алексей сильно привязался к своему воспитателю, и так как он тотчас по смерти отца лишился и матери (царица Евдокия Лукьяновна скончалась 18 августа 1645 года), то влиянию Морозова на государя и государство не было другого соперничающего влияния. Морозов был человек умный, ловкий, по тому времени образованный, понимавший новые потребности государства, но не умевший возвыситься до того, чтоб не быть временщиком, чтоб не пользоваться своим временем для своих частных целей. Самое сильное влияние на дела после Морозова имел думный дьяк Назар Чистой, бывший прежде купцом в Ярославле. Что касается характера этого человека, то припомним из истории предшествовавшего царствования дело его с голштинскими послами, которое выставляет не в очень выгодном свете бескорыстие Чистого. Морозов и Чистой пользовались, как говорят, советами известного нам иностранного заводчика Виниуса: первый пример иностранца, получившего влияние на государственные дела.

В самом начале царствования можно было видеть, что правление находится в крепкой руке человека, умеющего распоряжаться умно и с достоинством, немедленно были решены два тяжелых дела, оставшиеся от предшествовавшего царствования: дело королевича Вальдемара и Лубы.

17 июля королевич был у нового государя с поздравлением; Алексей Михайлович начал речь о крещении, но королевич по-прежнему отвечал решительным отказом; в тот же день королевич и послы датские прислали государю челобитные об отпуске. В августе месяце отправлен был в Данию гонец Апраксин с грамотою, в которой царь Алексей извещал короля Христиана о своем восшествии на престол, уверял, что хочет быть с ним в доброй братственной дружбе и любви, и объявлял о скором отпуске королевича Вальдемара и послов. И действительно, 17 августа королевич и послы были у государя на отпуске; Вальдемару объявили, что так как он не захотел соединиться верою с государем, то, согласно с его просьбою, его отпускают назад к королю - отцу с честью, как был принят. Королевич отправился и из Вязьмы писал государю, благодарил за великую любовь и сердечную подвижность, какие царь Алексей Михайлович всегда ему оказывал и теперь оказал в том, что отпустил его и послов королевских со всякою честью; в заключение просил пожаловать Петра Марселиса. Когда Апраксин приехал в Данию, то там уже знали об отпуске королевича из Москвы. Король, принимая грамоту, о здоровье государевом не спрашивал, к руке гонца не позвал и к столу не пригласил, ответную грамоту прислал с секретарем к гонцу, несмотря на возражение Апраксина, который требовал, чтоб сам король отпустил его. В грамоте своей король писал: "Хотя мы имеем сильную причину жаловаться на неисполнение договора о браке сына нашего с вашею сестрою, но так как отец ваш скончался, то мы все это дело предаем забвению и хотим жить с вами в такой же дружбе, как жили с вашими предками".

Еще на имя царя Михаила польский король Владислав прислал грамоту, в которой просил царя отпустить в Польшу королевича Вальдемара и давал обязательство, что датский король не начнет ссоры по поводу задержания сына его в Москве; в другой грамоте король, свидетельствуя невинность Лубы, обязывался не признавать прав ни его, ни других подобных людей на Московское государство и преследовать их, а для большего укрепления притиснул к грамоте свою печать. Позади у подлинного листа было написано: "Крепость его царскому величеству от его королевского величества". Такую же грамоту прислали и паны радные. Но бояре в ответе подняли старые жалобы, что титула пишут несправедливо: где надобно писать: государю псковскому, там пишут: царю псковскому; где надобно: самодержцу, там пишут: самодержцы; вместо югорскому - игорскому. "Такое новое дело, - говорили бояре, - чинится со стороны королевского величества мимо вечного докончанья, неведомо какими обычаями, как будто к нарушенью братской дружбы и любви; самодержец у нас один, другого нет, и так писать "самодержцы" непригоже". Потребовали от посла обязательства, что тот, кто так писал, будет казнен без пощады. Посол отвечал, что донесет королю; король будет скорбеть и велит наказывать этих людей. Потом бояре жаловались на порубежные разбои и на воровские слова; посол отвечал, что король велит наказывать и за это. Тогда бояре спросили: "Если в такой же вине объявится шляхтич или иной кто честный или думный человек, то надобно ли и его также наказывать?" Посол

отвечал, что надобно. Бояре сказали на это: "Сам ты, великий посол Гаврила, как ехал от датского королевича Вальдемара Христианусовича, то говорил при приставах ссорные речи, говорил, что вы еще не устали и сабли ваши не притупились русских людей сечь. Так полномочным послам делать и говорить непригоже и стыдно; а сабли ваши русским людям не страшны". Посол отвечал, что не запирается, сказал он эти слова с сердца, потому что в это время побии стрельцы двоих литовских людей, и видел он их в крови; сыску никакого об этом не сделано; а сказал он это с сердца, подпивши; сделалось это от вина. Посол домогался союза против татар; ответа не было.

23 июля Стемпковский представился новому царю и говорил длинную речь об изменчивости человеческой жизни. "Свежий образец этой изменчивости, - говорил он, - имеем в блаженной и бессмертной памяти о великом государе царе Михаиле Федоровиче, который счастливо царствовал над подданными своими 32 года, владел ими в святости и праведности, успокоил монархию свою от ближних и дальних соседей, видел ее цветущею, изобилующею покоем, в этом покое с подданными должен был пребывать, и вдруг с престола своего от такой славы и богатства переносится в пещеры земные". В заключение посол, от имени королевского, поздравил нового государя с восшествием на престол, объявил, что король готов будет оказывать и ему ту же любовь братскую и приятельство. Думный дьяк отвечал именем царским, что государь хочет быть с королем в крепкой братской дружбе и любви и в соединении во всем по тому, как в вечном докончаньи написано.

В доказательство этого желанья Луба был отпущен, причем Стемпковский договорился именем королевским и панов радных, что Луба к Московскому государству причитанья никогда иметь не будет и царским именем называться не станет; жить будет в большой крепости; из Польши и Литвы ни в какие государства его не отпустят; кто вздумает его именем поднять смуту, того казнить смертию; все это написать в конституцию на будущем сейме и прислать царю утвержденную грамоту за королевскою рукою и печатью; также прислать утвержденье панов радных и послов поветовых. Посол должен был также дать запись, что литовские купцы не будут более приезжать в Московское государство с вином и табаком. Стемпковский просил, чтоб на обе стороны агентам быть и королевский агент в Москве польских и литовских купцов будет судить во всем и от всякого дурна унимать; в этом ему отказали на том основании, что в вечном докончанье об агентах не написано, но согласились называть короля *наияснейшим*. Посол просил, чтоб государь позвал его обедать, ибо в противном случае будет ему чести меньше, чем прежним послам. Ему отвечали, что обедать нельзя по причине недавней кончины царя Михаила. Посол возражал, что великие московские послы были в Польше после кончины королевы и, несмотря на то, обедали у короля; ему отвечали, что это две вещи разные: у царя умер отец, который один, а жену можно взять другую и третью, печаль по жене продолжается только до нового брака.

Посол объявил, что будет дожидаться до сорочин царя Михаила, а если царь и на это не согласится, то пусть напишет в ответном письме, почему посол не обедал, чтоб ему пред своею братьей бесчестья не было. Перед отъездом Стемпковского случилось происшествие, которое показывает, на что могли решаться тогда люди из свиты посольской, надеясь на безнаказанность: разбойник Яким Даниловец с товарищами на дороге между Москвою и Новгородом убили пять человек, пограбили у них меха, принадлежавшие одному голландскому купцу, и отвезли их в Старицкий уезд, в село Молочино; дворецкий Стемпковского, поляк Самойла, уговорился с этими разбойниками ехать из Москвы в Молочино, взять там пограбленные меха и отвезти их за рубеж в Литву, где он должен был отдать разбойникам по цене половину денег, а другую половину брал себе за услугу. Действительно, Самойла выехал из Москвы, взяв царскую грамоту на проезд в Вязьму, и вместо Вязьмы отправился в Молочино; но на Зубцовской заставе его с разбойниками поймали и отослали к Стемпковскому с требованием, чтоб он заплатил голландцу деньги за покраденное и казнил своего дворецкого смертью; но посол ничего этого не сделал.

Прекращалось дело о Лубе; но самозванцы не прекращались. В 1646 году явился такого рода извет: "Царю государю бьет челом и извещает сирота твой государев Мишка Иванов, сын Чулков, на Александра Федорова сына Нащокина, а прозвище на Собаку, что хочет тот Александр крестное целованье порушить, а тебе, праведному государю, изменить, хочет отъехать со всем своим родом в иную землю, а называет себя царским родом, и хочет быть тебе, государю царю, супротивен. Как Федор Иванов, сын Нащокин, у царя Василья Ивановича Шуйского царский посох взял из рук, так теперь Александр Нащокин хвалится тем же своим воровским умышленьем на тебя, праведного царя, и Московским государством, твоею царскою державою смутить". Спросили во всех приказах у подьячих: такая попись у них бывала ли и теперь есть ли в делах, в отписках из городов и в челобитных? Все подьячие сказали, что такой пописи нет и не было. Это дело тем и кончилось; но явились два самозванца в Турции.

В начале 1646 года московские послы, стольник Телепнев и дьяк Кузовлев, живя в Кафе, узнали, что приехал в Кафу из Царя-града святогорского Спасского монастыря архимандрит Иоаким. Послы отправили немедленно переводчика повидаться с архимандритом и порасспросить его, что в Царе-граде делается. Архимандрит рассказал следующее: "Был он во Крыму, и там в жидовском городке объявился неведомо какой человек, а называют его московским царевичем Димитриев сын Долгоруких; человек этот за ним, архимандритом, присылал и говорил ему, будто он московский царевич, и просил у крымского царя рати, чтоб с нею Московского государства достигнуть, и крымский царь его манит, рати ему не дает и к султану его не отсылает; да говорил тот человек ему, архимандриту: "Возьми у меня грамоту и поезжай с нею по украиным городам и в Калугу: этой грамоты послушают, а как доступлю Московского государства, то

пожалую тебя калужскими доходами". Послы добыли и другие известия: пленный малороссийский козак из города Полтавы, Ивашка Романов, рассказывал: "Я того вора, что называется Димитриевым сыном, знаю, родина его в городе Лубне, козачий сын, зовут его Ивашка Вергуненок, отца у него звали Вергуном; по смерти отца своего он, Ивашка, мать свою в Лубне бил, и мать сбила его от себя со двора, и он, Ивашка, из Лубен пришел в Полтаево и приказался ко мне, жил у меня и служил в работе с год, и когда я ушел из Полтаева города на Дон, Вергуненок остался в Полтаеве, а потом из Полтаева пришел на Северный Донец под Святые горы, и там, живучи, водился с запорожскими и донскими козаками, с Донца пришел на Дон, жил на Дону с полгода, начал воровать и за воровство его много раз бивали; после того он пошел в поле сам-четверт с пищалями гулять, свиней бить, и их на Миусе татары в полон взяли, тому лет шесть, и продали его в Кафу жиду, и сказался вор жиду, будто он московского государя сын, и жид стал его почитать. Когда вор в Кафе у жида сидел, сделал себе признак: дал русской женщине денег, чтоб она выжгла ему между плечами половину месяца да звезду, и то пятно многим полоненикам он, Вергуненок, показывал и говорил, будто он царский сын, и как он Московского государства достигнет, то станет их жаловать, и русские люди, тому его воровству поверя, к нему, вору, на жидовский двор ходили, есть и пить носили. Сведаль про вора крымский царь, прислал за ним и взял в Крым, тому года с три, и приказал его в Крыму беречь жидам, и жида его в Крыму кормят и берегут и держат его в крепях в железах". Таким образом открылось, кто был этот царевич, о котором дали знать из Константинополя еще царю Михаилу.

В Крыму нашли послы одного вора, в Константинополе двоих: у визиря на дворе объявились два русских человека: один называется сыном царя Василья Ивановича Шуйского, прислан из Молдавии господарем Васильем и говорит, что служил царю Михаилу Федоровичу в подьячих. Визирь его спрашивал, для чего он про себя в Москве не объявил, и вор отвечал, что не объявил, боясь казни, и отъехал служить в Литву; но литовский король пожаловал его не по достоинству, и он отъехал в Молдавскую землю. Визирь спросил, хочет ли он бусурманиться? И вор отвечал: "Если султаново величество пожалует меня по достоинству, то я побусурманюсь". А другого вора прислал царь крымский. Послы отправили толмача и подьячего проведывать: вор, присланный из Крыма, по приметам оказался тот самый, о котором слышали в Кафе; о другом же воре подьячий сказал, что он его знает, бывал в Новой Чети подьячим, Тимошкою зовут Акундинов, родиною вологжанин, стрелецкий сын, дворишко и жену свою сжег и с Москвы бежал безвестно, а после объявился в Литве, назывался князем Тимофеем Великопермским, да тут же с Тимошкою на визиривом дворе Новой же Чети молодой подьячий Костка, и называется тимошкиным человеком.

Послы дали знать визирю, что у него на дворе скрываются воры, чтоб он речам их не верил и розыскал подлинно. Визирь велел позвать Тимошку;

русский переводчик и толмач, присланные Телепневым, стали его уличать; но вор с ними не захотел говорить и сказал визирю, чтоб велел поставить перед собою самих послов. Визирь отвечал ему: "Ведь и послы будут говорить те же речи" - и спросил у переводчика: "Сколько тому лет, как царя Василья не стало?" Переводчик отвечал, что тому мало не сорок лет, а этому воришке и тридцати нет. Перед визирем стоял турок, старый человек, и стал говорить: "В царственных книгах у нас написано, что царь Василий умер тому тридцать семь лет назад". Визирь Тимошку выслал вон и сказал переводчику: "Это человек лукавый, многие у него речи переменные, много запрашивает и султану много сулит; а вот тот, что из Крыму прислан, думаю, что прямой он государский сын, и крымский царь писал, что он про него сыскивал русскими людьми и те сказали, что он прямой сын царя Дмитрия, а отца его убил Урак-Мурза". Переводчик отвечал: "Урак-Мурза убил не царя Дмитрия, такой же был вор, Петрушкою (?) звали". Визирь сказал: "Объявите послам, что то дело не их, присланы они не за тем, им до этого дела нет".

Пришли к послам тайно известный нам Зелфукар-ага да архимандрит Амфилохий и объявили: "Вор Тимошка говорит визирю, чтоб султан дал ему ратных людей и велел идти с ним на московские украины, русские люди против него стоять не будут, все добьют ему челом, сулит султану Астрахань с пригородами. Визирь против его речей промолчал..." Послы начали говорить Зелфукар-аге и архимандриту, как бы воров достать? Те отвечали: "Визирю одному такого дела не сделать, разве вам достигнуть их большою казною? Только не потерять бы казны даром, потому что люди здесь неоднословы; лучше всего бросьте это дело: волочась, так и пропадут, либо по городам дальним их разошлют в службы или на каторги в греблю отдадут, а если вы об них станете промышлять, то вы их пуще вздорожите и поставят вправду то, как они называются". Архимандрит говорил также, что вор Тимошка подал визирю грамоту, и его, архимандрита, позвали эту грамоту переводить; в грамоте написано, будто он сын царя Василья, и когда отца его в Литву отдали, то он остался полугоду, и отец приказал беречь его тем людям, которые ему впрямь служили, и они его вскормили, а когда сделался царем Михаил Федорович, то велел ему видеть свои царские очи и дал ему удел - Пермь Великую с пригородами; там ему, в Перми, жить соскучилось, он приехал в Москву, и государь велел его посадить за пристава; но те люди, которых царь Василий жаловал, освободили его и выпроводили из Москвы; Василий, воевода молдавский, его ограбил, снял с него отцовский крест многоценный с яхонтами и изумрудами и много другого добра и хотел его убить, так же как убил прежде брата его большого, и, убив, голову и кожу отослал в Москву, а московский государь велел кожу эту накласть золотыми и дорогими каменьями и отослать к воеводе Василью в благодарность.

В октябре 1646 года архимандрит Амфилохий дал знать послам, что вор, присланный из Крыма, посажен в Семибашенный замок, а вор Тимошка

пожаловался визирю на него, архимандрита, будто он на посольский двор ходит и про всякие вести послам объявляет. Визирь грозил за это Амфилохию, что посадит его на каторгу и смерть; архимандрит велел сказать послам, чтоб присылали к нему людей своих ночью, люди эти будут у него ночевать и он будет отпускать их рано, до свету. Причиною этих строгостей была весть о движениях русских войск под Азов; послов начали держать взаперти, и в ноябре старший из них, Телепнев, умер. Товарищ его, Кузовлев, писал государю, что вор Вергуненок заперт в Кожаном городке, который стоит на Черноморском гирле, версты за три от Царя-града; заперли его для того: дана была ему воля ходить куда хочет, а он начал пить и с бусурманами драться; Тимошку Акундинова от визиря с двора свели, велели ему жить позади визирева двора, а есть к нему присылают от визиря. Но скоро Кузовлеву стало не до Тимошки: пленный донской козак объявил на пытке, что на Дону у козаков в Черкасском приготовлено 300 стругов, да на Воронеже, Ельце и в других украинских городах к весне готовят пятьсот стругов, и по государеву указу в тех стругах идти козакам морем под Крым и крымские улусы. И вот 27 января 1647 года визирь Азем-Салих-паша вытребовал к себе у посла переводчиков и держал к ним такую речь: "Только донские козаки в Черное море выйдут, и султану про то донесется, а я султану добрые слова говорил; и то все мне поставится в ложь: и быть мне в опале или даже без головы, а послу и вам живым не быть; и за летошнюю ссору едва устояли: велел было султан вас всех побить, а если я останусь жив и сделается со мною что-нибудь нехорошее, то я посла вашего и вас на рожнах изжарю; скажите эти мои слова послу, чтоб подумал, как мне и ему и вам беды избыть. Всего скорее избудет из беды, если пошлет от себя наскоро гонцов на Дон, чтоб козаки на море не ходили, а я гонцов велю проводить до Азова". Кузовлев отвечал, что козакам давно заказано ходить на море, но самому султанову величеству известно, что донские козаки - воры-изменники - и прежде государевых указов не слушались, и теперь козачьего воровства на после спрашивать нечего. Визирь прислал сказать Кузовлеву: "Этими речами тебе не отговориться; только появятся козаки на море, хотя и немного, сожгу тебя в пепел; если хочешь жив быть, посылай гонцов". Кузовлев отвечал прежнее, что посылать ему гонцов непригоже; ни в каких государствах над послами бесчестья не бывает, и в Цареграде над послами никогда того не бывало, что теперь делается: запирают, со двора не пускают, корму не дают и назад к своему государю не отпускают неведомо для чего. Визирь приутих и, при личном свидании, говорил Кузовлеву: "Только будут донские козаки на море, и нам с тобою будет худо, двое нас с тобою на обе стороны доброе дело делаем, и худо и добро нам будет во всем вместе; помощь козакам от вас: если б вы им не помогали, то им бы делать было нечего, давно бы пропали". Визирю действительно пришлось худо: его казнили. Донские козаки гуляли по Черному морю, появлялись под Трапезунтом и Синопом. Тимошке Акундинову соскучилось в Константинополе, где на него не обращали никакого внимания; он побежал в Молдавию, но на дороге его схватили,

привезли в Константинополь и хотели учинить ему жестокое наказание, но вор обещал обусурманиться и перед визирем бусурманскую молитву проговорил, обрезанье же упросил отложить; его освободили и чалму надели, но Акундинов, нарядясь в греческое платье, побежал в другой раз с русским пленником на Афонскую гору; его опять поймали и хотели казнить, но он по-прежнему обещал обусурманиться; на этот раз его обрезали и отдали под стражу. Со стороны самозванцев в Цареграде московское правительство могло быть покойно; но султан требовал, чтобы царь свел донских козаков из Черкасского городка и посылал крымскому царю посылку по-прежнему. Царь отвечал о донцах по старине, что они государственного повеленья не слушают; о хане отвечал, что для дружбы с султаном начаты сношения с крымцами, но если хан опять клятве своей изменит, то ему уже больше терпеть не будут.

Эти слова не были пустою угрозою: московское правительство решилось не спускать более крымцам, которые в конце 1645 года поздравили нового царя вторжением в московские области. Разбойники встретили московских воевод в Рыльском уезде при Городенске и, после бою, пошли домой тою же дорогою, какою пришли. Весною 1646 года в Москве положили предпринять наступательное движение: государь приказал князю Семену Романовичу Пожарскому собрать в Астрахани тамошних жителей, ногайских мурз, черкесов, идти на Дон, соединиться там с воеводою Кондыревым, который должен был прийти из Воронежа, и вместе идти под Азов. Кондырев в украинских городах набрал 3000 вольных ратных людей на помощь донским козакам. Крымцы предупредили русских, напали на донских козаков, но были отражены с уроном.

В то же время с Польшею шли переговоры о союзе против Крыма. В январе 1646 года отправлены были к королю Владиславу великие и полномочные послы: родственник царский боярин Василий Иванович Стрешнев и знакомый нам окольный Степан Матвеевич Проестев, для поздравления короля с новым браком на Людовике-Марии Мантуанской и для подтверждения Поляновского мира. 10 марта послы представились королю, который по болезни лежал на постели, обложенный подушками. Послы протестовали, зачем король против государева имени не встал и поднять себя не велел; тогда король подозвал к себе послов близко к постели и говорил: "Памятуя вечное dokonчание и свое государственное утверждение с отцом великого государя вашего, царем Михаилом Федоровичем, желаю брату своему, царю Алексею Михайловичу, многолетнего здоровья и счастливого пребывания; чести государя вашего остерегать я всегда должен выше своей собственной чести, но встать мне или подняться никак нельзя, потому что сильно я болен, руками и ногами не владею, и не только встать, и приподняться никак не могу; бог видит, что делается это не хитростью, если же хитростью, то отними у меня бог и руки и ноги; можно вам, великим послам, и самим видеть, как я болен". Послы удовольствовались, и от короля отправились к молодой королеве, которая, к их удовольствию, спрашивала о здоровье государевом стоя. В

ответе с панами радными послы подняли старые дела об ошибках в царском титуле, указали и на новую обиду: межевой судья Абрамович прислал к царскому величеству лист. и в том листе написано невежливо *отом*, тогда как царь к королю и король к царю в грамотах пишут без *ота*, послы требовали по-прежнему виновным в больших винах казни смертной, а в малых - наказанья жестокого: этим бы король показал его царскому величеству свою братскую дружбу и любовь; требовали, чтоб король велел о царском титуле записать в сеймовую конституцию, чтоб вперед виновных в умалении титула карать горлом без всякого оправданья. Потом послы перешли к другому делу: "Ведомо великому государю нашему учинилось, что на общего христианского неприятеля и гонителя, на турецкого султана Ибрагима, учинился упадок большой от венециан ратным его людям, разоренье и теснота, людей его осадили в Критском острове немцы, и те осадные люди помирают голодом и безводицею, из Царя-града помощи послать им нельзя. Ибрагим султан велел сделать сто каторг новых и начал думать, какими пленными гребцами наполнить эти каторги, и послал к крымскому царю гонца с грамотою, чтоб шел без всякого мешканья на Московское, Польское и Литовское государства и набрал полону на новые каторги: так теперь время великим государям христианским на крымского поганца для обороны веры христианской восстать; теперь время благополучное. Наш великий государь сильно думает о соединении с вашим великим государем на поганых агарян. Он послал для оберегания своих украин большое войско под начальством бояр князя Никиты Ивановича Одоевского и Василья Петровича Шереметева; если же татары пойдут на королевские украины, то великий государь, для братской дружбы и любви к королю, велел воеводам своим помогать ратным людям королевским. И вы бы, паны радные, сами о том думали и короля на то наводили, чтоб его королевское величество для избавы христианской в нынешнее благополучное время велел отпереть Днепр и позволил днепровским козакам с донскими козаками вместе крымские улусы воевать, а к гетману своему послал бы приказ, чтоб он с своими ратными людьми на Украине был готов и с царскими воеводами обо всяких воинских делах ссылался, как им против крымских татар стоять, в каких местах сходиться". Паны отвечали: "Мы вседушно этому ради и просим всемогущего бога, чтоб обоих великих государей соединеньем их государские руки над бусурманами высились. Что же касается до ошибок в титуле, то объявляем по истинной правде искренними сердцами, что ошибки делались без хитрости, потому что дьячки пишут, не зная русской речи, всеильный бог свыше зрит, что прописки делаются без хитрости: несмотря на то, король велел вызвать виновных на сейм, а сами знаете, что ни королю, ни нам не только шляхтича, но и простого человека без сейма карать нельзя". Послы отвечали, что королю пригоже было давно так учинить; при этом послы указали панам королевскую грамоту, где на подписи в титуле вместо *самодержцу* написано *самодержцы*. Паны сказали на это: "Мы вам объявляем, что на нашем польском языке *самодержцы* и *самодержцу* одно слово, и бесчестья тут его

царскому величеству никакого нет и ошибки также нет". Послы отвечали: "Как вам, паны радные, не стыдно это говорить: не только вам рассудить и выразуметь это можно, и простой человек легко рассудит: написать и сказать *самодержцу* - это будет к одному лицу, а если написать *самодержцы* - это будет ко многим лицам; на всех великих государствах Российского царства самодержец один, другого нет и вперед не будет. До сейму этого дела откладывать не годится, потому что у людей, которые пишут титул мимо посольского договора, велено честь и именье отнимать и смертью казнить по королевскому указу и сеймовому уложению". Паны: "Клянемся богом, что на польском языке "самодержцы" и "самодержцу" одно и то же, а если по-русски не так, то мы вперед будем остерегаться накрепко; да вперед бы нашему государю к царскому величеству в грамотах писать по-польски, также и из порубежных городов ссылочные листы писать по-польски: так ошибок вперед не будет". Послы: "Издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся белорусским письмом, и теперь, мимо прежних обычаев, по-польски писать не годится, да у порубежных воевод и переводчиков нет".

Упрашивая послов, чтоб они оставили дело об умалении титула царя Михаила, ибо не должно преследовать за вины, сделанные против покойного уже государя, и, обещаясь строго наказывать за ошибки в титуле государя царствующего, паны обратились к более важному делу - о союзе против крымцев, объявили, что король послал приказ гетману Потоцкому ссылаться с царскими воеводами для береженья от прихода поганцев; и в прошлую зиму гетман готов был дать помощь московским воеводам, но помешали лютые морозы. Королевское величество желает, чтоб этим летом стать только по Украине и уберечь ее от поганцев, а дальнее большое дело отложить до другой норы, потому что и днепровским запорожским козакам вскоре на море выйти нельзя, все их челны пожжены и теперь им новых чаек делать нельзя: король думает, что татар лучше воевать в то время, когда султан разошлет их на свою службу. Запорожским козакам позволить идти на Крым вместе с донскими королю без сейма никак нельзя, потому что у Польши с Турциею вечный мир. Наконец дело дошло до Лубы. Послы объявили, что великий государь, не желая крови, для прошенья брата своего короля, отпустил Лубу в Польшу; но везде, едучи дорогою, в Минске и других местах, назывался он царевичем московским по-прежнему; говорил, что посылали его в Москву для осведомления, и будто великий государь признал его прямым сыном Расстриги. Посол Стемпковский обязался, что Луба будет содержаться в большой крепости; но он не только на воле, но еще король сделал его при своей пехоте писарем и жалованье ему дает: так королевское величество и вы, паны радные, по посольскому договору велели бы Лубу казнить смертью при нас, послах, за то, что он не перестает называться царевичем московским". Паны отвечали: "Если сыщете, что Луба действительно называется царевичем московским, то будет казнен смертью; но мы вам говорим правду, что Луба отдан для береженья королевской пехоты капитану Яну Осинскому, приставлены к нему гайдуки и держат его с большим

береженьем, а королевского жалованья и уряду ему никакого не дано". Тогда послы потребовали, чтоб паны дали утверждение, согласное с записью Стемпковского. Паны обещали дать утверждение от короля и от себя, но отказались дать утверждение от послов поветовых. Что же касается до союза против Крыма и до Путивльских городищ (Недригайловского, Городецкого, Каменного, Ахтырского, Ольшанского), обещанных в московскую сторону, то паны объявили, что для этого будут в Москве особые послы королевские: Путивльских городищ потому нельзя уступить сейчас же, что они необходимы для войны против Крыма. Послы отвечали: "Это со стороны вашего государя делается мимо всякой правды; вашу неправду бог свыше зрит и государю нашему в правде будет помощник; а царское величество Путивльских городищ и земель в королевскую сторону никогда не велит уступить и за свое прямое стоять будет". Паны, с своей стороны, сильно жаловались на переэзв крестьян из-за литовского рубежа в московскую сторону: это, по их словам, была самая большая обида.

Стрешнев возвратился в Москву с подтверждением Поляновского договора и записи Стемпковского о Лубе; а летом 1646 года приехал в Москву полномочный королевский посол, каштелян киевский Адам Свентолдич Кисель, и говорил царю такую речь: "Великое королевство Польское с великими княжествами своими и великое государство Русское, как два кедра ливанские от одного корня, создала десница вседержителя господа от единой крови славянской и от единого языка славянского народа; свидетельствуют о том греческие и латинские летописцы и историки, особенно истинный свидетель есть сам язык, обоим великим государствам, как единому народу, общий и непрременный. Поэтому вам, великим государям, и нам всем, обоим великих государств жителям, от единой славянской крови происходящим, свидетельствуют слова, духом святым реченные: "Коль добро и коль красно еже жити братии вкупе!" Сему богодухновенному указанию последствуя, блаженной памяти великий государь царь Михаил Федорович закрепил союз вечного братства с великим государем паном моим. С того времени звезда смутного разрыва, кровопролития и междоусобной брани погасла; наступило и сияет незаходимое солнце вечного мира, дружбы и любви братской; хотя оно и помрачилось преселением от земных в небесная великого государя Михаила Федоровича, о котором король пан мой плакал как о брате; но когда господь дал вашему царскому величеству престол и скипетры отеческого царства, то король пан мой скорбь свою пременял в радость, и помраченное солнце опять просияло. Так как ваше царское величество с наследием царства наследие братской любви к пану моему королю чрез послов своих объявить произволили, то и его королевское величество братскую свою любовь вашему царскому величеству отдает и через меня такими словами поздравляет: "Радуйся божнею милостию, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец! Радуйся великого государя моего брат, великих государств и великого союза братской любви наследник! Живи многолетно и счастливо на великом государстве; по долгих же временах, летах и веку да даст тебе

господь благословение отеческое увидать, и также наследника царствию своему узревши, преселения от земных в небесная со всякою радостью ожидать!"

Кроме цветов красноречия, Кисель обнаружил исторические познания: предложил царю Алексею Михайловичу и боярам его деление славянской истории на три периода: 1) счастливый, когда славяне чрез соединение сил своих по всему свету славились; Рим старый и Рим новый свидетельствуют о делах храбрости славянской; 2) век несчастный, век междоусобной брани, когда славяне, разлучившись друг от друга, многообразным разорением и кровопролитием братскую любовь растерзали; в это время многими вотчинами народов наших чужие народы и ногайские овладели: где крест святой Владимир принял, в Херсоне или в Корсуне, там теперь Перекопъ и орда татарская живет; где были седалища половцев, пожертых и с именем своим потребленных саблею предков наших, там ныне крымская водворилась орда, междоусобными несчастными войнами обоих великих государств наших умноженная. 3) Теперь божию милостию третье время настало: время вечного союза и братской любви величеств ваших и обоих государств, как бы возвращение в первый чин единокровия и единокровные любви.

После цветов красноречия начались переговоры и обнаружилось терние. Кисель требовал: если в грамоте будет ошибка в царском титуле, то такой грамоты не принимать, отсылать ее назад, отчего писавшему будет большое бесчестье. Бояре отвечали: "Ты пан радный и человек знающий, а написал то, чего и простому человеку помыслить стыдно и от бога страшно. Вам, панам радным, надобно охранять вечное докончание, а вы государскую честь ставите как будто ни во что, виноватых без казни и наказания хотите оправдать; если грамот не принимать, отсылать их назад, то почему можно будет виноватого сыскать и чем его обличить?" Кисель: "Я об этом говорил и писал не сам от себя, по наказу от короля и Речи Посполитой; король и вся Речь Посполитая рассуждали, как бы эти прописки в титуле уничтожить, потому что в Московском государстве это почитают за великую вину, а у нас и к королю полного титула не пишут, добрый человек делает хорошо, а глупый - глупо, и приговорили грамот не принимать: как увидят, что грамот не принимают и исполненья по ним никакого нет, то поневоле научатся писать исправно". Бояре: "Дивно нам, что они во столько лет не могут научиться писать; сами вы, паны радные, своих людей дураками называете, что не могут научиться; поганые бусурманы, и те государево именованье пишут справливо, и из немецких государств никогда никакой описки не бывает". Кисель: "Если царскому величеству это не угодно, то можно иначе сделать". Определили: казнить за прописки в титуле.

Кисель настаивал на том, чтоб перебежавших крестьян отдавать назад: "Они у нас государство пустошат; какая это будет братская любовь, что беглых пашенных крестьян принимать; теперь ольшанские мужики

подстаросту убили и перешли в сторону царского величества: разве это не досада нам от них?" Бояре: "У царского величества стольника честного человека Ивана Волкова люди его убили и перебежали в королевскую сторону, об них писали, чтоб отдать, но не отдали; также и в государеву сторону перешли черкасы многие, но назад их не просили, и о том ни слова не бывало". Кисель: "Черкасы - люди вольные, где хотят, тут живут, а крестьяне пашенные - невольники". Бояре: "В вечном dokonчанье о перебежчиках не написано: так этого не надобно и начинать". Кисель: "Что наперед было, того я не спрашиваю: а теперь бы сделать вновь и укрепить, чтоб перебежчиков не принимать, а если принимать, то это будет противно богу, противно братской любви и соединенью; теперь у Конецпольского, Вишневецкого и других перебежало в царскую сторону с 1000 человек, а у нас у троих тысяч с пятнадцать; хорошо ли будет, если мы своих мужиков станем у вас брать и побивать: если хотите наших крестьян к себе брать, значит не хотите нас с собою в дружбе видеть. Поветовые послы говорили королю, что от них начали крестьяне бегать и чтоб король приказал мне об этом написать в наказ первую статью". Бояре: "Чего в вечном dokonчаньи не написано, того вновь начинать не надобно; со стороны царского величества из Брянской и Комарицкой волости и с Лук Великих крестьяне пашенные многие перебежали и теперь беспрестанно бегают в королевскую сторону. В нынешнем году перебежал в королевскую сторону брянчина Колычова крестьянин Артюшка и, пришедши назад из-за рубежа, своего помещика рогатиною заколол; по царскому указу убийцу отослали к Мстиславскому воеводе для казни, а в царскую сторону его не взяли. Ты, великий посол, благочестивой христианской веры и за нее поборатель, а эти мужики пашенные такой же благочестивой веры, живут они у вас за людьми разных вер, и если их отдавать назад, значит, отдавать католику или лютеру на мученье: христианское ли это дело? Бедный крестьянин, будучи в такой неволе, и веры своей отбудет". Кисель: "Мужики что знают? О вере у них никакого попечения нет; бегают оттого, что не хотят пану своему и малого оброка заплатить. Побезит мужик в дальние города, то пану еще не так досадно, потому что он его не увидит, а то убежит и станет жить близко в порубежных местах, и, смотря на своего мужика, всякому досадно. Так договориться бы, чтоб в порубежных местах крестьян перебежчиков не держать; а если погонщик застанет беглеца на рубеже, то может его взять". Но бояре именем царским решительно отказали ему в этой статье. И дело о союзе против Крыма также не подвинулось. Кисель требовал уговориться о том, где и как союзным войскам сходиться для отпора татарам. Бояре отвечали: "Если с обеих сторон ратным людям стоять в степи долгое время без дела, то ратные люди изнуждаются, а крымцы, узнавши о соединении наших войск, не придут. Лучше так сделать, чтоб, соединясь, идти на Крым прямо". Но Кисель объявил, что шляхта на сейме не захотела войны с турками, которые никакого повода к войне не подают; так надобно от татар обороняться. Бояре говорили: "Теперь бы что-нибудь крымским татарам послать немного, чтоб их пооплошить, а в то б время, года в два или три,

изготовиться и идти на них в Крым. Для обереганья Украины царские войска будут стоять в пограничных городах, и если татары пойдут на Польшу, то эти войска будут помогать польским войскам и ходить за татарами до Днепра, а если татары пойдут на царские украины, то польские войска должны помогать русским; быть с обеих сторон стоялым служивым людям по 5000 человек, а смотря по вестям, и больше". Кисель отвечал, что если московские войска будут ходить только до Днепра, то помощи никакой от них не будет, потому что по сю сторону Днепра татары у поляков никогда не бывают, ходить бы московским войскам за Днепр до Черного шляха, а поляки будут ходить на помощь к русским до Белгорода. Бояре говорили, что если ходить за Днепр, то не поспеть. Кисель объявил, что у гетманов польских есть лазутчики в Крыму, которые сейчас дадут знать, если хан станет подниматься. Наконец, положили, что гетманы с воеводами будут ссылаться и татар чрез свои земли не пропускать, заодно против врагов стоять; если же от них объявится большая вражда, то великие государи уговорятся, как действовать; теперь же оба государя будут поступать с крымцами по давнему обычаю, чтоб никакого повода ко вражде им не подать.

Таким образом, новому правительству московскому не удалось уговорить поляков к наступательному союзу против крымцев, потому что поляки боялись крымскою войною затронуть Турцию, которая, по близости границ, была для них гораздо опаснее, чем для Москвы. Для последней, впрочем, важен был и оборонительный союз против разбойников.

Но в то время, как дела внешние шли успешно, внутреннее состояние Московского государства было далеко не удовлетворительно: народ томился под тяжестью налогов, купечество было бедно вследствие той же причины, вследствие физических бедствий - неурожая и скотского падежа, наконец, вследствие дурного состояния правосудия. Но купцы по-прежнему всего более обвиняли в своей бедности и разорении купцов иностранных: в 1646 году они подали новому царю жалобу: "После московского разоренья, как воцарился отец твой государев, английские немцы, зная то, что им в торгах от Московского государства прибыль большая, и желая всяким торгом завладеть, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли из Посольского приказа грамоту, что торговать английским гостям у Архангельского города и в городах Московского государства 23 человекам; а нам челобитье их встретить и остановить в то время некому было, потому что все были разорены до конца и от разоренья, бродя, скитались по другим городам. И как взяли они, немцы, грамоту из Посольского приказа, то и начали приезжать в Московское государство англичан человек по шестидесяти и по семидесяти и больше, построили и купили себе у Архангельского города, на Холмогорах, на Вологде, в Ярославле, на Москве и в других городах дворы многие и амбары, построили палаты и погреба каменные и начали жить в Московском государстве без съезду; у Архангельского города русским людям свои товары перестали продавать и на русские товары менять, а

начали свои всякие товары в Москву и в другие города привозить: который товар будет подороже, и они его станут продавать, а который товар подешевле и походу на него нет, так они его держат у себя в домах года по два и по три, и как тот товар в цене поднимется, тогда и продавать станут. А русские товары, которые мы прежде меняли на их товары, теперь они покупают сами, своим заговором, рассылают покупать по городам и в уезды, закабала и задолжа многих бедных должных русских людей, и закупа те товары, русские люди привозят к ним, а они отвозят в свои земли беспошлинно; а иные русские товары они, английские немцы, у Архангельска продают на деньги голландским, брабантским и гамбургским немцам, весят у себя на дворе и возят на голландские, брабантские и гамбургские корабли тайно и твою, государеву, пошлину крадут; всеми торгами, которыми искони мы торговали, завладели английские немцы, и оттого мы от своих вечных промыслов отстали и к Архангельскому городу больше не ездим. Но эти немцы не только нас без промыслов сделали, они все Московское государство оголодили: покупая в Москве и в городах мясо и всякий харч и хлеб, вывозят в свою землю. А как придут корабли к Архангельску, то они товаров своих на кораблях досматривать не дадут; а если бы их товары таможенные головы и целовальники досматривали во всех городах, так же как и у нас, и пошлины с них брали, то с них сходило бы пошлин на год тысяч по тридцати рублей и более. У них в жалованной грамоте написано, что грамота дана им по прошению их короля Карлуса; но они, англичане, торговые люди, все Карлусу королю неподручны, от него отложились и бьются с ним четвертый год. Английские гости, Мерик с товарищами, которым было велено, по вашему государскому жалованью и по просьбе Карлуса короля, ездить в Московское государство торговать, ни разу не бывали, а ваше государево жалованье продают иным закупням, и с жалованною грамотою приезжают немцы новые, которые вашим государевым жалованьем не пожалованы. Да они же, немцы, привозят всякие товары хуже прежнего; да они же стали торговать не своими товарами; прежде английские немцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно. Гамбургские, брабантские и голландские немцы промыслом своим и дав многие посулы и поминки вопреки государеву указу с товарами своими в Московское государство приезжают каждый год, показывая по городам ваши государевы жалованные грамоты, а грамоты эти взяли они из Посольского приказа ложным своим челобитьем и многими посулами и поминками у думных дьяков Петра Третьякова и Ивана Грамотина, а иные немцы ездят и без грамот. Давыд Николаев, купя на Москве двор и поставя палаты, торгует и продает всякие товары на своем дворе врознь, как и в рядах продают, без вашего государского указа и без жалованной грамоты. Да немцы же, живя в Москве и в городах, ездят через Новгород и Псков в свою землю на год по пяти, шести и десяти раз с вестями, что делается в Московском государстве, почем какие товары покупают, и которые товары на Москве дорого покупают, те они станут готовить, и все делают по частым своим вестям и по грамоткам, сговорясь заодно; а как приедут торговать на

ярмарку к Архангельскому городу, то про всякие товары цену расскажут, заморские товары, выбрав лучшие, закупят все сами на деньги и на русские товары променяют и, сговорясь между собою заодно, наших товаров покупать не велят, а заморским товарам цену держат большую, чтоб нам у них ничего не купить и вперед на ярмарку не ездить; и мы товаренки свои от Архангельского города везем назад, а иной оставляет на другой год, а которые должны людишки, плачучи, отдают товар свой за бесценок, потому что им держать его у себя нельзя, люди должны, и от того их умыслу и заговору мы ездить к Архангельскому городу перестали, потому что стали в великих убытках, а твоим государевым пошлинам год от году все больше и больше недобор. Да немцы же Петр Марселис и Еремей Фелц, умысля лукавством своим, откупили ворвань сало, чтоб твои государевы торговые люди холмогорцы и все поморские промышленники того сала, мимо их, иным немцам и русским людям никому не продавали, а себе берут они у торговых людей в полцены, в треть и в четверть, потому что мимо их никому покупать не велят, и оттого многие люди холмогорцы и все Поморье, которые ходят на море бить зверя, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, город Архангельский и Холмогорский уезд и все Поморье, пустеет; а когда этим салом позволено было торговать с разными иноземцами и всяких чинов людьми, то с этого сального торгу сбирали таможенных пошлин тысячи по четыре и по пяти и больше; торговые люди этим промыслом кормились и были сыты, а теперь от этих откупщиков твои пошлины пропали, многие люди обнищали и податей не платят, и уезды поморские запустели, от этого промысла теперь не соберется и двухсот рублей в год. А их немецкое злодейство к нам мы тебе, праведному государю, объявляем. При державе отца твоего ярославец торговый человек Антон Лаптев ездил с товаром через Ригу в Голландскую землю, в Амстердам, с соболями, лисицами и белками, чтоб те товары испродать, а их товаров в их земле закупить. Проехал он, Антон, их немецкие три земли, а они, немцы, сговорясь и согласившись заодно, у него ничего не купили ни на один рубль, и поехал он из немецкой земли на их немецких кораблях с ними, немцами, вместе к Архангельскому городу, и как скоро он сюда приехал, то у него те же немцы купили все его товары большою ценою. Московские торговые люди, которые в то время были на ярмарке, немцам начали говорить в разговорных речах: какая это правда, что государя нашего торговый человек заехал с товарами в ваше государство, и вы у него, сговорясь, товару не купили, его чуть с голоду не поморили, и, торговав у него в своей земле соболи и лисицы самую дешевою, половинною ценою, здесь купили большою ценою? А в Московском государстве иноземцы торгуют, по милости государя нашего, многие люди всякими товарами повольно, а заговоров у нас, торговых людей, никаких нет, и такой неправды мы не посмеем вам сделать, по милости государя нашего к вам: вам бы следовало, за милость государя нашего, также правду чинить и торговать безо всякой хитрости. И немцы нам отвечали: для того мы у Антона Лаптева товару не купили, чтоб иным русским торговым людям ездить в наши государства было неповадно; а

если в наших государствах русские люди станут торговать, как мы у вас, то мы все останемся без промыслов, так же оскудеем, как и вы, торговые люди: мы и персидских купцов точно так же от себя проводили, и вам бы поставить себе и то в большую находку, что мы Антона Лаптева с голоду не уморили. Так-то, государь, они над нами насмеваются! Да в прошлом 1645 году из приказа Большой казны продано было немцам 900 пудов с лишком шелку-сырцу, а по уговору взято было с них по 77 ефимков за пуд; мы, зная, что прежде немцы у корабельной пристани твой государев шелк-сырец покупали прежде всех товаров ценою большою, били челом с ними о торгу, и по твоему государеву указу дан нам торг, и мы в торгу с ними сделали тебе, государю, прибыли сверх той цены, по которой отдан был им шелк, с восемь тысяч ефимков; но когда мы этот шелк послали на ярмарку к Архангельскому городу, то немцы, сговорясь между собою, шелку у нас не купили ни одной гривенки, и говорят: "Мы сделаем то, что московские купцы настоятся в деньгах на правеже, да и впредь заставим их торговать лаптями, забудут перекупать у нас товары! Милостивый государь! пожалуй нас, холопей и сирот своих, всего государства торговых людей: воззри на нас, бедных, и не дай нам, природным своим государевым холопам и сиротам, от иноверцев быть в вечной нищете и скудости, не вели искони вечных наших промыслишков у нас, бедных, отнять". Просьба не была исполнена. Не исполнялась она и при царе Михаиле, но тогда не на кого было жаловаться; теперь же при молодом государе всеми делами заведовал Морозов, известный привязанностью к иностранцам и иностранным обычаям, и хотя Виниус, по свидетельству иностранцев, более хотел добра русским, чем своим, однако русские смотрели иначе на дело. Этот упрек от иностранцев Виниус, вероятно, заслужил за то, что и на иностранные товары, не исключая английские, наложена была двойная пошлина "для пополнения ратных людей". При этом правительство утешало иностранцев тем, что они воротят свои деньги, возьмут их с русских же людей, возвысив цену своим товарам.

Но кроме иностранных немецких заговоров, жители московских городов беднели оттого, что многие стремились выйти из общины, из желания отбыть общинных повинностей: "В марте 1648 года новгородские посадские люди били челом, что после разоренья в Новгороде осталось посадских людей немного, разбрелись, а иные померли, и вновь не прибыло ни одного человека, из оставшихся выбраны к денежным сборам, в таможенную избу, в отхожие и иные многие городовые царские службы, а люди все бедные и скудные, и вперед к царским делам выбрать будет из них некого; кроме того, в Новгороде и в Новгородском уезде многие козаки, стрельцы, митрополичьи, монастырские и всяких чинов нетяглые люди торгуют всякими товарами, сидят в лавках и отхожими торговыми многими промыслами промышленяют и у посадских тяглых людей промыслы отняли, а мирского тягла с ними не платят, служб не служат, живут *в пробылях*, а иные посадские люди, избывая подати, стали в стрельцы и козаки, во всякие чины, у митрополита живут в приказных и крестьянах, отчего Новгород в конечном запустенье; а которые тяглые дворы с

большими угодьями, теми дворами владеют всяких чинов *белые* (не тяглые) люди, и с этих тяглых дворов и мест никаких податей не платят, и за эти дворы тягло и службы ложатся на остальных посадских людей". Вследствие этой челобитной правительство приказало наложить на всех этих избывальщиков государственные службы и подати и, между прочим, предписало: "Если поповы, дьяконы, дьячковы и слуг монастырских дети или сами попы, дьяконы и дьячки торгуют большими промыслами и в лавках сидят, то всех их взять в посад и в тягло обложить; козакам, пушкарям и стрельцам, которые торгуют большими торгами не менее пятидесяти рублей, быть в посаде в службе и в тягле с посадскими людьми вместе; а которые в посаде жить не захотят, а торгуют многими товарами не меньше пятидесяти рублей, тем служить без государева денежного жалованья; а которые торгуют меньше пятидесяти рублей, тем служить с денежным жалованьем, но без хлебного".

Между крестьянами существовало то же стремление отбывать от податей во вред общине: по указу царя Михаила чердынцы, посадские и уездные выборные люди, Чердынский уезд расписали в сошное письмо, в полшесты сохи, дворами, кому с кем ближе; но после этой сошной росписки уездные многие лучшие крестьяне, заговором, родом и племенем и семьями, по воеводским подписным челобитным, отписывались от средних и младших людей сошным письмом, по станам, в мелкие выти дворами же, а не по данному окладу, и пред средними и младшими людьми в тягле живут в великой льготе; а средним и младшим людям перед ними стало тяжело, не в мочь и, оплачивая их, обнищали и одолжали великими долгами; вследствие этого еще царь Михаил приказал лучшим крестьянам всякое тягло тянуть и сибирские отпуски отпускать с средними и младшими вместе, заодно, в свал, а не по сошной развытке, считаться и складываться на посаде по животам и промыслам, чтоб никто ни за кого лишнего не платил, и вперед лучшим людям от средних и младших не отписываться. Но этой царской грамоты некоторые люди не послушали и учинились сильны, воевод подкупили, и от их насильств многие посадские люди и уездные крестьяне разбрелись врознь, а сильные люди жили во льготе. Царь Алексей повторил приказание отца своего.

Таким образом, видим, что и между посадскими и между крестьянами сильные люди старались быть сильнее общины, и кто не был силен сам по себе, тот закладывался за сильного, чтоб под его покровительством не тянуть вместе с миром. И между служилыми людьми сильные продолжали разорять слабых, переманивая от них крестьян. Дворяне и дети боярские били челом, что они разорены без остатка от войны и от сильных людей, бояр, окольных, ближних людей и властей духовных, просили урочные годы отставить, а отдавать им беглых крестьян по писцовым книгам и выписям, во всякое время, как только они своих крестьян проведают. Но десятилетний срок не был отменен для отыскивания старых беглецов; обещано отставить урочные годы на будущее время, когда крестьяне и дворы их будут подвергнуты строгой переписи: "Как крестьян и бобылей и

дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет". Но на перепись явились новые жалобы: некоторые написали в сказках крестьянские и бобыльские дворы не все сполна, и для утайки при переписке из двух и из трех дворов переводили людей в один двор и несколько дворов в один двор огораживали, ворота у этих дворов одни делали, крестьянские и бобыльские дворы людскими, жилые пустыми писали, деревни и починки обводили. Потом сделана была еще уступка мелким служилым людям: в 1647 году десятилетний срок для отыскивания беглых был заменен пятнадцатилетним. Таким образом продолжалась борьба между интересом крупных и интересом мелких землевладельцев, но как скоро раз уже сделано было прикрепление в интересе мелких землевладельцев, то долго нельзя было останавливаться на урочных годах.

Посадские и крестьяне старались избыть от податей, потому что подати были действительно тяжки. Чтоб помочь как-нибудь злу, придумали средство. 18 марта 1646 года наложена была новая пошлина на соль, прибавлено на всякий пуд по две гривны: "А иные мелкие поборы, - говорит указ, - со всей земли и прежние соляные всякие пошлины и проезжие мыты указали мы везде отставить, и порухи вперед в соляной продаже нигде никому не быть. А как та соляная пошлина в нашу казну сполна сберется, то мы указали во всей земле и со всяких людей наши доходы, стрелецкие и ямские деньги сложить, а заплатить те стрелецкие и ямские доходы этими соляными пошлинными деньгами, потому что эта соляная пошлина всем будет равна; в избылых никто не будет и лишнего платить не станет, и всякий станет платить без правежу. А стрелецкие и ямские деньги собираются неровно, иным тяжело, а иным легко, и платят за правежом с большими убытками, а иные и не платят, потому что ни в разряде в списках, ни в писцовых книгах имен их нет, и живут все в уезде в избылых; также иноземцы, которые получают наше жалованье и кормовые деньги, и торговые люди иноземцы все станут платить наравне с тягловыми людьми. А торговым людям возить эту соль во все города и уезды без мыту и безо всякой пошлины, и продавать им везде, где кто захочет, применяясь к прежней цене, а лишней много цены на соль не накладывать и заговоров в соляной продаже никому нигде не делать, чтоб всяких чинов людям тесноты и лишних убытков не было". Любопытно здесь признание правительства, что нет средств у него против избылых людей, которых ни в разряде, ни в писцовых книгах нет; любопытно желание ввести такой налог, который бы не допускал правежа; наконец любопытно, как правительство утешает русских людей тем, что иностранцы подчинятся этому налогу наравне со всеми. Но такое беспристрастие к иностранцам не могло задобрить многих ревнителей старины, когда они из того же указа узнали, что употребление табаку, богомерзкой травы, принесенной иностранцами, травы, за которую при царе Михаиле резали носы, позволено правительством с тем только, что продажа ее делается монополиею казны. Пошлина на соль была уничтожена в начале 1648 года, но табак остался. Морозов сократил также

дворцовые расходы, отославши известное число придворных слуг и уменьшивши жалованье у остальных. Понятно, что этою мерою он не приобрел себе приверженцев.

В начале 1647 года царь задумал жениться; из 200 девиц выбрали шесть самых красивых, из этих шести царь выбрал одну: дочь Рафа, или Федора, Всеволожского; узнавши о своем счастье, избранная, от сильного потрясения, упала в обморок; из этого тотчас заключили, что она подвержена падучей болезнью, и несчастную вместе с родными сослали в Сибирь, откуда уже в 1653 году перевели в дальнюю их деревню Касимовского уезда. Так рассказывает одно иностранное известие; русское известие говорит, что Всеволожскую испортили жившие во дворце матери и сестры знатных девиц, которых царь не выбрал. Другое иностранное известие упрекает в этом деле Морозова, которому почему-то не нравились Всеволожские и который метил на двух сестер Милославских: одну хотел сосватать царю, а другую - себе и таким образом обеспечить себя от соперничества с новыми родственниками царскими. Из официальных известий мы имеем один только отрывок из дела: из этого отрывка узнаем, что обвинен был Мишка Иванов, крестьянин боярина Никиты Ивановича Романова (двоюродного брата царского), в чародействе, в косном разводе и в наговоре в деле Рафа Всеволожского. Понятно, что на основании одного иностранного известия нет никакого права обвинять Морозова. По всем вероятностям, подозрение на него пало вследствие того, что чрез год, 16 января 1648 года, царь женился на Марье, дочери Ильи Даниловича Милославского, а через десять дней после того Морозов женился на сестре царицы, Анне Ильиничне. Зная пристрастие Морозова к иностранцам, зная, что царь уже раз решился на измену старому обычаю, продолжив время траура по отцу на целый год вместо сорока дней, многие, как говорят, опасались, что по случаю свадьбы царской приняты будут иностранные обычаи и произойдут перемены при дворе. Опасения не оправдались, иностранные обычаи не были введены, тем не менее брак царский имел следствием сильное неудовольствие народное.

Илья Данилович Милославский был очень незначительного происхождения и выведен в люди дядею своим, знаменитым дьяком Грамотиным. Милославский воспользовался своим новым положением, чтоб нажиться; особенно стали наживаться родственники его, окольные, судья Земского приказа Леонтий Плещеев и заведовавший Пушкарским приказом Траханиотов; поднялся сильный ропот, начались сборища у церквей, и решились наконец подать просьбу государю на Плещеева; но окружавшие царя брали просьбы у народа и всякий раз представляли дело в ином виде, отчего просители не получали удовлетворения. Тогда народ решился изустно просить царя. 25 мая 1648 года, когда государь возвращался от Троицы, толпа схватила за узду его лошадь и просила Алексея отставить Плещеева, определивши на его место человека доброго. Царь обещал, и довольный народ стал расходиться, как вдруг несколько придворных, друзей Плещеева, стали ругать народ, мало того: въехали на

лошадях в толпу и ударили несколько человек нагайками. Народ рассвирепел, камни посыпались на обидчиков, которые принуждены были спасаться бегством во дворец, толпа кинулась за ними, и тут, чтоб остановить ее, повели на казнь Плещеева! Но народ вырвал его из рук палача и умертвил. Морозов вышел было на крыльцо с увещаниями от имени царского, но в ответ на его увещание послышался крик, что и ему будет то же, что Плещееву; правитель должен был спасаться бегством во дворец, дом его разграбили, убили холопа, который хотел защищать господское добро; жене Морозова сказали, что если бы она не была царская свояченица, то изрубили бы ее в куски; сорвали с нее дорогие украшения и бросили на улицу; потом убили думного дьяка Чистого, хотели было сделать то же и с богатым гостем Шориным, обвиняя его в возвышении цены на соль, но он успел выехать из города; дом его разграбили, вместе с домом князя Никиты Одоевского, князя Алексея Михайловича Львова и других вельмож. На другой день, после полудня, вспыхнул страшный пожар и продолжался до полуночи: погорели Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбат, Чертолье и все посады; уняли пожар, вспыхнул новый мятеж. Отряд служивых иностранцев двинулся защищать дворец; немцы шли с распущенными знаменами, с барабанным боем; москвичи дали им дорогу, кланялись и говорили, что у них к немцам никакой недружбы нет, знают, что они люди честные, обманов и притеснений боярских не хвалят. Когда немцы расположились стражею около дворца, то царь выслал к народу двоюродного брата своего, Никиту Ивановича Романова, зная любовь к нему народную. Никита Иванович вышел с шапкой в руках и сказал, что царь обещает выполнить желание подданных и увещевает их разойтись, чтоб можно было ему выполнить обещание. Народ отвечал, что он не жалуется на царя, а на людей, которые воруют его именем, и что он не разойдется до тех пор, пока ему не выдадут Морозова и Траханиотова. Никита Иванович отвечал, что оба скрылись, но что их отыщут и казнят. Народ разошелся. Траханиотова действительно схватили подле Троицкого монастыря и казнили; Морозова отправили подальше, в Кириллов-Белозерский монастырь, и между тем начали хлопотать, как бы успокоить народное раздражение против него. Царь приказал угостить стрельцов вином и медом; тесть его Милославский позвал к себе обедать москвичей, выбрав из каждой сотни, угощал их несколько дней сряду. Места убитых немедленно были замещены людьми, которые слыли добрыми. Наконец царь, воспользовавшись крестным ходом, обратился к народу с такою речью: "Очень я жалел, узнавши о бесчинствах Плещеева и Траханиотова, сделанных моим именем, но против моей воли; на их места теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу без посулов и всем одинаково, за чем я сам буду строго смотреть". Царь обещал также понижение цены на соль и уничтожение монополий. Народ бил челом за милость; царь продолжал: "Я обещал выдать вам Морозова и должен признаться, что не могу его совершенно оправдать, но не могу решиться и осудить его: это человек мне дорогой,

муж сестры царицыной, и выдать его на смерть будет мне очень тяжко". При этих словах слезы покатались из глаз царя; народ закричал: "Да здравствует государь на многие лета! Да будет воля божия и государева!" По другим известиям, сделано было так, что сам народ просил о возвращении Морозова.

Трудно определить время, когда происходили все эти хлопоты относительно Морозова; мы знаем верно одно, что август месяц Морозов находился еще в Кириллове монастыре, ибо 6 августа царь писал туда следующую грамоту, из которой видно, как он был привязан к Морозову и как боялся народного озлобления против него: "Ведомо нам учинилось (пишет царь), что у вас в Кириллове монастыре в Успенъев день бывает съезд большой из многих городов всяким людям; а по нашему указу теперь у вас в Кириллове боярин наш, Борис Иванович Морозов, и как эта наша грамота к вам придет, то вы бы боярина нашего, Бориса Ивановича, оберегали от всего дурного и думали бы с ним накрепко, как бережнее - тут ли ему у вас в монастыре в ту ярмарку оставаться или в какое-нибудь другое место выехать. Лучше бы ему выехать, пока у вас будет ярмарка, а как ярмарка минуется, и он бы у вас был по-прежнему в монастыре до нашего указа; и непременно бы вам боярина нашего Бориса Ивановича уберечь; а если над ним сделается что-нибудь дурное, то вам за это быть от нас в великой опале". Но царь этим не удовольствовался: вверху и сбоку грамоты, на белых местах и частью между верхних строк собственною рукою приписал: "И вам бы сей грамоте верить и сделать бы и уберечь от всякого дурна, с ним поговоря против сей грамоты, да отнут бы никто не ведал, хотя и выедет куда, а естли сведают, и я сведаю, и вам быть кажненым, а естли убережете его, - так, как и мне, добро ему сделаете, и я вас пожалую так, чего от зачяла света такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему, приятелю моему". По возвращении своем Морозов не был правителем, как прежде, но был одним из самых близких людей к государю и употреблял свое влияние для приобретения всеобщего расположения, помогая каждому, кто к нему обращался. Пишут, что в теле Морозова, истощенном тяжкими болезнями, подагрой и водяною, велика еще была сила разума и совета, за которым царь часто приезжал на дом к больному во всех важных делах.

Морозов по крайней мере, по-видимому, сошел с первого плана в мае 1648 года; но скоро на этом плане начало обозначаться другое лицо, духовное: то был Никон.

В страшный 1605 год, когда для Московского государства началась смута, в мае месяце, в селе Вельманове, или Вельдеманове, Княгининского уезда, в 90 верстах от Нижнего, у крестьянина Мины родился сын, названный Никитою. Не знаем, великие и страшные события, происходившие в малолетство Никиты, врезались ли в его памяти, восстание родной области за веру и государство произвело ли впечатление на малютку; но имеем полное право допустить, что ближайшие семейные явления должны были

подействовать на образование его характера: горе ждало его в семье, а горе всего лучше закаляет природы, способные к закалу. Младенцем лишился Никита матери, отец дал ему мачеху, а мы знаем, что такое была мачеха в древней русской семье. Мачеха Никиты не была исключением: малютка терпел от нее большие притеснения, не раз жизнь его находилась в опасности. Никита имел случай выучиться грамоте, а это было тогда верным средством для худородного человека выйти на вид. Обилие нравственных сил, энергия не могли позволить Никите долго оставаться в той среде, где он родился; воображение молодого человека воспламенялось предсказаниями о дивной судьбе: и христианские монахи, и мордовские колдуны пророчили ему или царство, или патриаршество. Грамотность влекла пытливого юношу к книгам, книги были исключительно духовные, они увлекли Никиту в монастырь Макария Желтоводского; но отсюда он был вызван снова в мир: просьбы родственников убеждали его жениться, а грамотность и таланты дали ему священническое место на 20-м году от рождения. Молодой священник сильно выдавался вперед между товарищами, и московские купцы перезвали его в столицу.

Троих малюток имел священник Никита Минич и похоронил всех; приход и безчадная семья стали для него тесны. Он уговорился с женой разойтись; она постриглась в московском Алексеевском монастыре, он ушел на Белое море, в Анзерский скит, где переименовал имя Никиты на Никона. Неспособность сдерживать себя, страсть к обличениям высказались в монахе Никоне и не дали ему ужиться с братиею; он оставил Анзерский скит и поселился в Кожеезерском монастыре (новгородской епархии Каргопольского уезда). Здесь он нашел себе лучших ценителей в братии и в 1643 году был избран в игумены. Новый игумен Никон также скоро выдавался вперед, как прежде священник Никита; слава об нем пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никон в 1646 году явился в столице по делам монастырским, то молодой царь Алексей Михайлович обратил на него особенное внимание и по впечатлительности и религиозности своей скоро подчинился влиянию знаменитого подвижника. Никон остался в Москве; он был посвящен в архимандриты Новоспасского монастыря и каждую пятницу должен был являться к заутрени в придворную церковь, чтоб потом беседовать с царем. Никон не мог ограничиться одними душевспасительными разговорами: он тотчас же стал печаловаться за утесненных, вдов, сирот, и царь поручил ему это печалование, как должность, челобитчики шли к Никону в монастырь, другие встречали его на дороге во дворец и подавали просьбы. В смутный 1648 год Никон был посвящен в митрополиты новгородские.

Между тем в Москве, после мятежа, молодой царь усердно занимался устранением того, что возбудило жалобы, исполнением данных обещаний. 16 июля 1648 года государь советовался с патриархом Иосифом и со всем священным собором и говорил с боярами, окольными и думными людьми: которые статьи написаны в правилах св. апостол и св. отец и в градских законах греческих царей и пристойны эти статьи к

государственным и к земским делам, и те бы статьи выписать; также прежних великих государей указы и боярские приговоры на всякие государственные и земские дела собрать и справить со старыми судебниками; а на которые статьи в прошлых годах в судебниках указа не положено и боярских приговоров нет, те статьи написать и изложить общим советом, чтоб Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшего чина, суд и расправа были во всяких делах всем равны. Указал государь все это собрать и в доклад написать боярам: князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольниковому князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьякам Гавриле Леонтьеву и Федору Грибоедову. Для этого своего государева и земского великого царственного дела указал государь, по совету с патриархом, и бояре приговорили: выбрать из стольников и из стряпчих, из дворян московских и жильцов, из чина по два человека; также из дворян и детей боярских всех городов взять из больших городов, кроме Новгорода, по два человека, а из новгородцев с пятины по человеку, с меньших городов по человеку, из гостей трех человек, из гостиной и суконной сотен по два человека, из черных сотен и слобод и из городов и посадов по человеку, добрых и смышленных людей, чтоб государево и земское дело со всеми этими выборными людьми утвердить и на деле поставить, чтоб все эти великие дела, по нынешнему государеву указу и соборному уложению, впредь были чем нерушимы. Выборные, между прочим, били челом: "На Москве и около Москвы, и в городах, где прежде бывали выгоны для скота, устроены патриаршие, монастырские, боярские и других чинов людей слободы и пашни на государевой искони вечной выгонной земле, в посадах и слободах живут закладчики и их дворовые люди, купили себе и в заклад побрали тяглые двory и лавки и погреба каменные, торгуют всякими товарами, своею мочью и заступленьем (тех, за кого заложились) откупают таможни, кабаки и всякие откупы, и от этого они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали и промыслов своих многие отбыли; искони, при прежних государях, на Москве и в городах всего Московского государства ничего этого не бывало, везде были государевы люди: так государь пожаловал бы, велел сделать по-прежнему, чтоб везде было все государево". Государь пожаловал и указал: "На Москве и около Москвы, по городам на посадах и около посадов на слободах всем торговым, промышленным и ремесленным людям быть за нами в тягле и службе с иными нашими тяглыми людьми наравне, а за патриархом, монастырями, боярами и за всяких чинов людьми, в слободах на посадах и около посадов никаким торговым, промышленным и ремесленным людям быть не велено, чтоб в избылых никто не был". Продажа и сеяние табаку были запрещены в том же 1648 году, а в следующем 1649 году исполнено и давнее желание купцов: издано царское повеление: "Вам, англичанам, со всем своим именем ехать за море, а торговать с московскими торговыми людьми всякими товарами, приезжая из-за моря, у Архангельского города; в Москву же и другие города с товарами и без товаров не ездить. Да и потому вам, англичанам, в Московском государстве быть не довелось, что

прежде торговали вы по государевым жалованным грамотам, которые даны вам по прошению государя вашего английского Карлуса короля для братской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти: за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось".

Но в то самое время, как правительство удовлетворением разных требований спешило отнять поводы к волнениям, мятежи вспыхнули на отдаленном севере, где и в предшествовавшее царствование мы видели восстания на воевод. Летом 1648 года в Сольвычегодск отправлен был Федор Приклонский для сбора с посада и уезда 535 рублей ратным людям на жалованье. Правил он деньги, как после показали сольвычегодцы, большим немерным правежем. У городских и сельских жителей был обычай умерять эти немерные правежи тем, что складывались и приносили чиновнику известную сумму, чтоб только уже больше не правил и отправлялся в Москву; так поступили сольвычегодцы и с Приклонским: собрали со всего уезда, по мирскому приговору, 20 рублей и отнесли к Приклонскому с тем, чтоб он уже больше денег не брал ни с посада, ни с уезда. Но в то же самое время приезжают из Москвы и рассказывают, что в Москве нашли управу на людей и посильнее Приклонского, который сбирал деньги на Морозова, а этого изменника больше нет. Сольвычегодцев взяло раскаяние: за что же они заплатили Приклонскому двадцать рублей! Надобно воротить мирские деньги! И вот 21 июня уездный староста Богдан Шулёпов да площадной подьячий Давид Хаминов отправились к Приклонскому и вытребовали у него деньги назад. Но этим дело не кончилось: мужик горлан Хаминов, воспользовавшись удобным случаем, стал на первом плане. "Будет тебе то же, - кричал он Приклонскому, - что было от нас воеводе Федору Головачеву и воеводе Алексею Большову: будет и тебе смертное убийство!" Вышедши от Приклонского со двора, Хаминов закричал ясаком, и толпа осадила дворы воеводы и Приклонского и стерегла их всю ночь. На другой день Приклонский отправился на съезжий двор, но и туда явилась толпа, человек со 100 или больше, под начальством тех же Хаминова и Шулёпова и начала кричать Приклонскому: "Деньги-то ты собираешь на изменника воровски!" В толпе раздались голоса приезжих из Москвы: "Деньги он собирает на изменника!" Эти слова послужили уликою; толпа ринулась в избу; отняла у Приклонского государев наказ, казну, все бумаги, иные передрали, бросились на самого Приклонского, прибили, поволокли улицу и перекинули на тот двор, где он стоял; имение его захватили. Очнувшись, Приклонский ушел сперва на двор к князю Шаховскому, а потом в соборную церковь и заперся в палатке у церкви; но толпа явилась и туда, крича, что надобно убить Приклонского. К счастью его, вступилась в дело мать Федора Строганова, вдова Матрена: церковь была строгановского строения, и потому Матрена приказала людям своим, чтоб не выдавали Приклонского народу. Когда наступила ночь, он ушел в лодке рекою Вычегдою.

17 июля дал знать Приклонский в Москву о случившемся в Сольвычегодске, а 4 августа пришло известие о мятеже устюжском. В Устюге в это время был воеводою Михайла Васильевич Милославский; всеми делами у него заправляли подьячие Онисим Михайлов да Григорий Похабов. Михайлову устюжане, посадские и уездные люди, поднесли 260 рублей в почесть, с сошек; но потом также, как видно, по вестям из Москвы, денег стало жаль, начали думать, как бы их взять назад. Крестьянин Онисим Рошкин с товарищами несколько дней ходил к подьячему просить денег; подьячий не расставался с ними; ходили и к воеводе, чтоб тот уговорил подьячего отдать деньги, - все напрасно. Наступило 8 июля; в Устюг сошлось много народа из окрестностей к празднику св. Прокопия, устюжского чудотворца. У посадских и крестьян только и речей было, что об этих 260 рублях. На другой день праздника, 9 июля, толпа крестьян сидела в съезжей избе, в судебне, у земских судеек, и приговорили взять непременно деньги у Онисима Михайлова. В это время является в судебню кузнец Моисей Чагин и кричит земским судьям: "Есть ли у вас промысел такой, чтоб у Онисима взять деньги?" Ему отвечали: "Хорошо взять, да как? Подьячий не отдаст!" "Не отдаст, так убить его до смерти!" - закричал Чагин. Возражение послышалось, как видно, от земского судьи Волкова, потому что Чагин бросился к нему, схватил за руки и за грудь и поволок из избы, а товарищи Чагина, Васька Шамшурницын и Шурка Бабин, толкали Волкова в шею и били. Вытащив Волкова на площадь, начали его водить по ней из стороны в сторону; ухватили и земского судейку Игнатьева, но он вырвался и вместе с товарищем, ружным старостою Мотоховым, бросился на воеводский двор и рассказал Милославскому, что делается в земской избе и на площади. Воевода в это время пировал с своим подьячим Онисимом Михайловым; услышав недобрые вести, он поехал на площадь, чтоб унять *гиль* (мятеж); но *гилевщики*, оставя Волкова, принялись за воеводу, схватили его и повели к нему на двор; но здесь уже успел побывать Чагин с товарищами: ворота выломали, на дворе сени, клетки и чуланы, все разломали, имение разграбили, схватили подьячего Онисима Михайлова, убили и бросили в реку. Та же участь грозила и воеводе: гилевщики стали требовать у него, чтоб выдал другого подьячего, Похабова; Милославский клялся, что не знает, где подьячий; тогда воеводу поволокли было к реке, но почему-то смиловались, удовольствовались тем, что заставили Милославского, жену его и тещу поцеловать образ с клятвою, что у них нет Похабова. Между тем набат гудел по всему городу, и пять дворов было разграблено: посадских людей Меркурья Обухова, Дмитрия Котельникова, Василья Бубнова, Григорья Губина и подьячего Похабова, который спасся бегством. Церковный дьячок Игнашка Яхлаков носил бумагу согнутую и говорил во весь мир, что пришла государева грамота с Москвы, велено на Устюге 17 дворов грабить.

Только 4 августа в Москве узнали об устюжских происшествиях и отправили для розыска стольника, князя Ивана Григорьевича Ромодановского, с 200 стрельцов; Ромодановский приехал в Устюг 7

сентября. Чагин с двумя товарищами, Игнашкою Яхлаковым и Ивашкою Белым, не заблагорассудили дожидаться его приезда и разбежались. Начался розыск, пытки. Повесили крестьянина Федьку Ногина, который признался, что напустил Чагина завести мятеж и убить подьячего Михайлова; повесили Терешку мясника и Ивашку, прозвищем Солдата, которые признались, что убили Михайлова; у Солдата на пытке вынули из-под пяты камень, и Солдат признался, что учил его в тюрьме ведовству разбойник Бубен, как от пытки оттерпеться, наговаривал на воск, а приговор был: "Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле мертвые не слышат ничего, так бы он не слышал жесточи и пытки". Повесили также Ивашку Шамшурницына.

Ромодановский загостился в Устюге. 23 декабря земский судейка Сенька Мыльник, по велению мирских людей, бил челом государю от всех устюжан, что Ромодановский пытал невинных людей и посадские люди бегут розно; мирские люди дали Ромодановскому 600 рублей да подьячему Кузьме 100 рублей, но и это не помогло. По этому челобитью, в январе 1649 года, приехал в Устюг другой следователь, стольник Никита Алексеевич Зюзин, и спросил Ромодановского: зачем он до сих пор к государю не писывал? Ромодановский отвечал: "Послал я обыски и пыточные речи и статейный список января 10, а до того времени не посылал, дожидался для обыска из волостей многих крестьян; многие посадские люди и волостные крестьяне учинились сильны и государеву указу непослушны, к обыскам из волостей не поехали, а которые небольшие люди и были и те в обысках и сказках своих государю лгали". Зюзин обратился к устюжанам: те вычли, что кроме 600 рублей Ромодановскому и людям его малыми статьями, в подносах харчевого и денег и пивных варь на приезд и на праздники и в иные дни вышло на 111 рублей 22 алтына 2 деньги; деньги эти на мирской расход заняли у сборщика Семена Скрябина из сибирского запаса 650 рублей, да в Архангельском монастыре 100 рублей, а кабала писана в 200 рублях; деньги эти мирские люди *разрубили* (разложили) и собирают по сохам. Подьячий Куземка Львов в допросе сказал: "Земские судейки приносили ко мне в мешке деньги не по один день, и я им отказывал, принять не хотел и то им говорил, что они подьячему Онисиму Михайловичу дали денег 200 рублей и за то убили, и я боюсь от них того же, но судейки мне говорили, чтоб мне те деньги взять у них не от дела, в почесть, для государева многолетнего здоровья, да и то мне говорили, что я в Москве разграблен и погорел, и я деньги у них взял; деньги эти за их печатью и сколько денег не знаю; когда я деньги брал, то говорил им, что деньги эти я объявлю на Москве, отдам их в государеву казну в Посольском приказе". Люди Ромодановского объявили, что господин их взял деньги, но сказал при этом, что деньги объявит в Москве; что князь несколько раз отказывался принять и взял, когда они принесли после именин царевича Дмитрия Алексеевича и сказали: "Возьми для государя царевича". Сам Ромодановский показал то же, но судейки показали, что они отнесли сперва сто рублей, 22 сентября, а потом 550 рублей, 19 октября, а не 27, как

показал князь; кроме того, явилось множество показаний, что Ромодановский брал взятки с тюремных сидельцев.

Между тем в Москве имя Морозова продолжало быть в устах недовольных. Мы видели, что по всеобщей жалобе были приняты меры против закладчиков; но тут закладчики, лишенные своего выгодного положения, стали вымещать злобу на том же Морозове. 17 января 1649 года на подворье к коломнитину Ивану Пестову пришел старый закладчик боярина Никиты Ивановича Романова Савинка Корепин и начал говорить: "Когда я был за боярином Никитою Ивановичем, то мне было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мне худо; сделали это бояре Борис Иванович Морозов да Илья Данилович Милославский и от этого их промыслу ходить нам по колена в крови, а боярам Морозову, Милославскому и друзьям их быть побитыми каменьями". Пестов на это сказал ему: "Что ты, мужик, такие непристойные речи говоришь: только государь изволит, и мы вас всех побьем". Корепин отвечал: "Мы вас всех из изб побьем из пищалей, а холопы ваши все с нами будут". Тот же Савинка был у Пестова 18 января и говорил: "Государь молодой и глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославского, они всем владеют, и сам государь все это знает, да молчит; Морозов делает умыслом, будто он теперь ничем не владеет и дал всем владеть Милославскому. Боярина князя Якова Куденетовича Черкасского хотели сослать и подводы под него были готовы, но не сослали его, боясь нас, для того, что мир весь качается; как его станут посылать, и боярин Никита Иванович Романов хочет выехать на Лобное место и станет миру говорить, и мы за него всем миром станем, а бояр Морозова и Милославского побьем; да и тем у нас достанется, которые руки прикладывали (вероятно, к просьбе о возвращении Морозова); а побивать мы станем не все сами: есть у нас много ярыжек, которые у нас живут, от них и почин будет; в этом заводе все с нами, да и стрельцы, которые рук не прикладывали, с нами же. Выедут на Лобное место бояре: Никита Иванович Романов, князь Яков Куденетович Черкасский, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Иван Андреевич Голицын, пристанут к ним стрельцы и всякие люди и станут побивать и грабить Морозова, Милославского и других". Государь велел всем боярам ехать к пытке, пытать Корепина накрепко и однолично доискаться подлинно. Савинка с пытки показал, что говорил спьяну сам собою; прибавил, что зимою о Николине дне сидел он у боярина Никиты Ивановича Романова на дворе в конюшне, тут же с ним сидели колодники в боярских делах: Афонка Собачья Рожа да унженцы, человек с десять, и он с ними говорил те же речи и они о том же говорили, что быть замятие, кровопролитию и грабежу. Савинку казнили смертию. Стрелец Андрюшка Калинин в расспросе сказал: "Слышал часа за полтора до вечера, января 4, от стрельца Андрюшки Ларионова: был он, Андрюшка, у боярина князь Якова Куденетовича Черкасского и слышал от князя Якова и от племянника его, князя Петра, что приходили к ним четыре человека стрельцов и сказали: "Быть замятие в Крещенье, как государь пойдет на воду". На пытке

Ларионов сказал, что все это он затеял сам, от князя ничего не слышал; у него вырезали язык и сослали.

Слышалось на Морозова и другого рода обвинение. Мы видели, что в это время в Москве чувствовалась потребность в науке, за которую естественно было обратиться к малороссиянам, потому что у них было уже распространено школьное образование. Сильною любовью к просвещению отличался в Москве постельничий царский Федор Михайлович Ртищев. Недалеко от Москвы, по Киевской дороге, на берегу реки он выстроил монастырь (Андреевский), куда перезвал из малороссийских монастырей монахов тридцать человек, с тем чтоб учили желающих грамматике славянской и греческой, риторике и философии и переводили книги. Обязанный днем быть во дворце, Ртищев целые ночи просиживал в Андреевском с учеными монахами. Но эта новизна некоторым не понравилась. Весною 1650 года Иван Васильевич Засецкий, Лучка Тимофеев Голосов да Благовещенского собора дьячок Костка Иванов сошлись у монаха Саула и шептали между собою: "Учится у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть". Обратясь к дьячку, Голосов говорил: "Извести благовещенскому протопопу (духовнику царскому), что я у киевских чернецов учиться не хочу, старцы недобрые, я в них добра не познал; теперь я маню Федору Ртищеву, боясь его, а вперед учиться никак не хочу, кто по-латыни научится, тот с правого пути совратился. Да и о том вспомяни протопопу: поехали в Киев учиться Перфилка Зеркальников да Иван Озеров, а грамоту проезжую Федор Ртищев промыслил; поехали они доучиваться у старцев киевлян по-латыни, и как выучатся и будут назад, то от них будут великие хлопоты; надобно их воротить назад; и так они всех укоряют и ни во что ставят благочестивых протопопов Ивана и Степана и других". Дьячок Костка отвечал на это: "Мне и поп Фома говорил: "Скажи, пожалуй, как быть? Дети мои духовные Иван Озеров да Перфилий Зеркальников просят в Киев учиться". Я ему говорил: "Не отпускай, бога ради, бог на твоей душе это взыщет"; а Фома говорит: "Рад бы не отпустить, да они беспрестанно со слезами просят и меня мало слушают и ни во что ставят". Потом трое ревнителей правого пути начали шептать про Морозова: "Борис Иванович держит отца духовного только для прилики людской, киевлян начал жаловать; а это уже известное дело, что туда уклонился к таким же ересям".

В Москве попытки недовольных раздуть мятеж против Морозова и Милославского во имя Романова и Черкасского были уничтожены в самом начале; но когда, по-видимому, все успокоилось, опять на северо-западной границе в толпе народной слышалось несчастное имя Морозова, и мятеж в самых широких размерах запылал во Пскове и Новгороде.

По Столбовскому миру с обеих сторон условились выдавать перебежчиков, но в продолжение несколько десятков лет из уступленных Швеции русских областей перебежало в московские пределы множество народу; шведское правительство требовало их выдачи, исполнить это требование в глазах

московского правительства значило отдать православных христиан в люторскую веру; благочестивый царь никак не мог решиться взять на свою душу такой грех, и потому положено было выкупить перебежчиков. Часть выкупных денег, именно 20000 рублей, была отдана в Москве шведскому агенту Нумменсу, который с ними и отправился на Псков к шведской границе. В то же время в зачет выкупной суммы велено было отпустить из псковских царских житниц 11000 четвертей хлеба в Швецию. Но мы видели, как дурно смотрели на иностранцев везде в Московском государстве и особенно во Пскове. В царствование Михаила во Пскове ограничивались одними жалобами, занесенными в летопись; со времени же событий в Москве 1648 года пошла молва, что молодой царь окружен людьми недоброжелательными, что Морозов дружит немцам ко вреду русских. И вот в феврале 1650 года во Пскове узнали, что едет швед, везет из Москвы большую казну и что велено во Пскове отдавать хлеб шведам. 24 февраля, на маслянице, пришла к воеводе Собакину государева грамота о хлебной отдаче; народ узнал о грамоте, стал волноваться, и 27 числа человек 30 из меньших статей пришли к архиепископу Макарию бить челом, чтоб он уговорил воеводу не отдавать хлеба, пока от них челобитье будет к государю.

Макарий послал за Собакиным, который тотчас приехал к архиепископу и, узнав, в чем дело, объявил, что должен исполнить государев указ в точности и отдаст хлеб немедленно, а они пусть посылают челобитчиков к государю от себя, мимо его. Потом воевода счел своею обязанностью сделать псковичам внушение, чтоб они не в свои дела не вмешивались, начал им говорить с сердцем, зачем они пришли на архиепископский двор толпою, называл их кликунами - название очень нехорошее во Пскове после событий Смутного времени. Тогда один из псковичей начал Собакина укорять: "Ты, Никифор Сергеевич, пускаешь немцев в город (в крепость, куда не велено было пускать иностранцев) на пир к Федору Емельянову". Собакин отвечал: "Ну так что ж? Пускаю, не запираюсь; а для того велел я немцев пустить к Емельянову, что он болен, из двора не выходит, а у него у немцев заторговано на государя золотых много". Начался спор сильный, и воевода, кликнув подъячего, велел ему переписывать имена псковичей, тут бывших; те бросились бежать из кельи вон, и на дворе, где стояла толпа народу, начался шум; бывшие у архиепископа кричали народу: "Вы нас привели на такой шум бить челом, а воевода станет на нас писать государю, что шумом приходили, и нам за то будет опала!" Пошумев, разошлись и условились собраться на другой день потолковать.

28 февраля собралась на площади у всегородной избы много всяких чинов людей; начали кричать, что не надо давать хлеба возить из Кремля; но посадские лучшие люди и старого приказа стрельцы стали говорить с большою силою, что самовольством ничего не надобно делать, нельзя государеву указу противиться, а если в хлебе скудость, то надобно бить челом государю. Толпа начала стихать, и лучшие люди стали расходиться

по домам, как вдруг прибежали стрельцы от Петровских ворот и закричали: "Едет немец, везет казну из Москвы!" Толпа кинулась к указанному месту. Нумменс с приставом Тимашевым действительно ехал в это время по загородью, Великою рекою к немецкому гостиному двору, на Завеличье; но когда поровнялся с Власьевскими воротами, то из них вышла толпа народу и бросилась на него: одни хотели тут же убить Нумменса ослопами, другие тащили к проруби, третьи спрашивали: как ему казна на Москве дана? Нумменс рассказывал все дело, как было, и стал просить, чтобы дали ему повидаться с гостем Федором Емельяновым. Это роковое имя человека ненавистного, друга немцев, подлило масла в огонь; раздались крики: "Пытать немца! Пытать Федора!" Взяли казну, отвезли ее к съезжей избе, откуда отправили на подворье Снетогорского монастыря и заперли ее там, запечатавши; Нумменса отвезли ко всегородной избе, осматривали его там всем миром, забрали все бумаги и потом отвели на Снетогорское подворье, где приставили к нему сторожей: пять человек попов, пять человек посадских людей да двадцать человек стрельцов. Пошли к Емельянову; тот скрылся, но жена отдала государеву грамоту, присланную к мужу ее; грамоту стали читать во весь мир; она оканчивалась словами: "А сего бы нашего указа никто у вас не ведал". Эти слова возбудили еще большее волнение; стали кричать: "Грамота тайная к Федору прислана, а государю про то неведомо!" Слыша шум, набат, беготню по улицам с оружием, воевода Собакин прискакал на площадь и стал говорить псковичам, что им до государевой казны дела нет. Ему отвечали: "Воля государская: если казна послана из Москвы с государева ведома, то можно было с нею ехать и городом, а не по загородью". Собакин поехал к архиепископу, и спустя час явился на площадь Макарий с священниками, с иконою св. троицы и стал уговаривать народ; но у мирских людей была одна речь: "Воля государева, а хлеба нам из Кремля немцу до государева указа не отдавать". 1 марта гилевщики собрались на площадь, выбрали между собою начальных людей: площадного подьячего Томилку Васильева Слепого, стрельцов Прошку Козу, Сорокоума Копыто. Начальники эти стали распорядиться: велели привести Нумменса, поставили на площади два огромных чана и стали на них с Нумменсом, чтоб всему народу было видно. Несчастливого шведа снова допрашивали, а чтоб язык у него был развязнее, подле него стояли палачи с кнутьями; читали во весь мир бумаги, взятые у Нумменса; потом все эти бумаги перед всем миром положили в коробки, запечатали и поставили на Снетогорском подворье, а ненужные письма отдали Нумменсу. После третьего марта волнение начало утихать: положили отправить челобитчиков к государю в Москву.

Но между тем при беспрестанных сношениях псковичи торговые и всякие люди приезжали в Новгород, и от них были в разговорах многие смутные речи. В Новгороде началась молва, особенно с тех пор, как прислан был государев указ, велено хлеба покупать на государя, и стали по торжкам биричи кликать, чтобы русские люди покупали хлеба только про себя, непомногу, четвериками. Приехал из-за границы новгородец Никита Тетерин и начал рассказывать, что немцы собираются, ждут казны из

Москвы, и как только казна придет, то им всем идти на Новгород; начались толки: "Государь этого не знает, отпускают казну бояре". Дней через пять после этого, вечером 15 марта, приехал в Новгород датский посланник Граб, и все начали говорить: "Вот и немцы с казною приехали!" Посадский человек Трофим Волк разговорился с русским толмачом, ехавшим при посланнике, Нечаем Дрябиным, и тот сказал ему, что идет из Москвы к немцам большая казна; Волк не смолчал об этой новости, а другой посадский, Елисей Лисица, явился к земской избе на площадь и стал кричать на весь мир, что гость Семен Стоянов провозит за рубеж хлеб и мясо, а немцы везут из Москвы большую денежную казну. На крик Лисицы собрались толпы народа и решили разделаться с немцами; земский староста Андрей Гаврилов, вместо того, чтоб унимать их, сделался предводителем мятежа. Датский посланник, только что выехавший из Новгорода, был остановлен, избит; Волк отличился пред всеми: бил Граба по щекам, проломил ему нос, сидел над ним с ножом и, наконец, обобрал его. Пожитки посланника, в которых видели казну государеву, не тронули, свезли их на Пушечный двор, но разграбили дворы своих богатых людей, братьев Стояновых, Василья Никифорова, Василья Проезжалова, Михайлы Вязьмы, Никиты Тетерина, Андрея Земского; взяли в земскую избу с Любского двора приезжих торговых немцев; в Каменном городе караульщики от ворот и от набата были отбиты, сполошный колокол заливался. Митрополит Никон и воевода окольный князь Федор Андреевич Хилков выслали голов стрелецких и детей боярских унимать мятежников, но эти посланные, ничтожные числом, не могли ничего сделать; один из них, стрелецкий сотник Марк Басенков, чуть не был сброшен с башни.

Мятеж этим не кончился; на другой день, 16 марта, загудел опять сполошный колокол, раздались крики: "Государь об нас не радеет, деньгами подмогает и хлебом кормит немецкие земли". Но у мятежников не было предводителя; староста Андрей Гаврилов скрылся, испугавшись последствий затеянного дела; стали искать, кого бы взять в начальные люди, и нашли: за приставом сидел митрополичий приказный Иван Жеглов и двое детей боярских, Макар и Федор Негодяевы; Никон извещал об них государю, что они люди недобрые, хвалятся, что знают все, знают, что у царя и у короля в палатах делается, вынуты были у них воровские книги и тетради и отосланы в Москву. 16 марта толпа с шумом пришла в Софийский собор, где был митрополит и воевода, и отсюда отправилась освободить Жеглова с товарищами; в земской избе составилось новое правительство: подле Жеглова засели здесь: посадский Елисей Лисица, Игнатий Молодожник, Никифор Хамов, Степан Трегуб, Панкратий Шмара, Иван Оловяничник, стрелецкий пятидесятник Кирша Дьяволов, подьячий Гришка Аханатков.

У воеводы не было материальных средств противиться этим новым правителям; митрополит решился действовать против них духовным оружием. 17 марта, в день Алексия, человека божия, в именины

государевы, к св. Софии собралось множество народа; здесь на заутрени и на обедни Никон поименно проклинал новых правителей. Начался ропот: "Государь жалуется на свой ангел, из тюрем виноватых людей распускает, а митрополит в такой праздник проклинает; но проклинает он не одного Молодожника и Лисицу, а всех новгородцев, у них у всех одна дума". Так поднимали злобу на Никона, старались ожесточить против него всех, но не было предлога идти *гилем* на Софийский двор; 19 числа предлог нашелся. Прибежал с Софийской стороны на Торговую съезжей избы пристав Гаврила Нестеров, прозвищем Колча, сын площадного подьячего, и говорил: "Митрополит Никон и окольный князь Федор изменники". Митрополит и воевода, узнавши об этом, велели схватить Колчу, которого привели в Софийский дом, били батогами и посадили в тюрьму. Вдруг прибегают в земскую избу отец его и жена с криком: "Миряне, вступитесь! Митрополит и окольный сына моего пытаются, бьют и огнем жгут". Толпа взволновалась и двинулась на Софийский двор. Испуганный Хилков скрылся у митрополита, который велел запереть двор: толпа, подойдя к дверям, кричала: "Выпустите из тюрьмы Гаврилу Нестерова". Митрополит и воевода отвечали: "Мы за него не стоим, что хотите с ним, то делайте". Народ освободил Нестерова, но тот снял с себя рубашку и стал показывать спину; тогда толпа опять двинулась к митрополиту и разломала двери. В крестовой найден был князь Хилков, и мятежники стали говорить ему: "Зачем ты от нас бегаешь? Нам до тебя дела нет, а если до тебя дело будет, то ты никуда от нас не уйдешь".

Так рассказывал дело софийский служка Иван Кузьмин. По другим показаниям, Нестеров был взят к митрополиту по делу, подлежавшему суду церковному, именно за то, что худо жил с женою. Князь Хилков доносил в Москву таким образом: "Пристав Гаврилка и отец его за многие воровства биты кнутом и батогами; 19 марта пришел к митрополиту Гаврилка с лестью, будто прощенья просит; митрополит велел подержать его у себя в приказе для подлинного сыску, и того же числа в четвертом часу дня воры пришли *гилем* на Софийский двор, говорили многие непригожие слова и Гаврилку из приказа взяли". Но вот как рассказывает все дело сам Никон в письме к царю и ко всему царскому семейству: "18 марта был я в соборной церкви у заутрени, и после полуношницы, по своему обычаю, ексапсалмы сам говорил, а после тайно, про себя говорил канон Иисусу сладкому на первой кафизме; и после первой статьи на другой кафизме, творя молитву Иисусову, стал я смотреть на Спасов образ местный, что стоит перед нашим местом, списан с того образа, который взят в Москву царем Иваном Васильевичем, поставлен в Москве в соборной церкви и называется Златая риза, от него же и чудо было Мануилу, греческому царю. И вот внезапно я увидел венец царский золотой на воздухе над Спасовою главою; и мало-помалу венец этот стал приближаться ко мне; я от великого страха точно обеспамятал, глазами на венец смотрю и свечу перед Спасовым образом, как горит, вижу, а венец пришел и стал на моей голове грешной, я обеими руками его на своей голове осязал, и вдруг венец стал невидим. С этого времени я начал

ожидать иного себе посещения. Марта 19-го пришел на Софийский двор Гаврил Нестеров, будто в своей вине покаяние прося, и я велел его поберечь, пока пойду к обедне, и хотел его разрешить и молитвы разрешительные проговорить. Но Жеглов, узнавши об этом, велел бить в набат на Торговой стороне, и ко мне на сени начали ломиться. Я вышел и стал их уговаривать, но они меня ухватили со всяким бесчинием, ослопом в грудь ударили и грудь расшибли, по бокам били кулаками и камнями, держа их в руках, били и софийского казначея, старца Никандра, и детей боярских, которые были за мною, и повели было меня в земскую избу: как довели до церкви, я хотел было в церковь войти, но они меня тут не пустили, а все вели в земскую избу: но как довели до золотых дверей, то я, от их бою изнемогши, отпросился посидеть у Золотых дверей пред церковью на лавке и им начал говорить, чтоб меня отпустили с крестами к Знамению пресвятые богородицы, потому что готовился я литургию служить, и они едва на то приклонились. Я велел благовестить и, собравшись с соборными и другими немногими священниками, едва добрел с великою нуждою до Знаменья, и там часы, стоя и сидя, слушал и св. литургию с великою нуждою и спехом служил, и назад больной, в сани взволясь, приволокся и ныне лежу в конце живота, кашляю кровью, и живот весь запах. Чая себе скорой смерти, маслом я соборовался, а если не будет легче, пожалуйте меня, богомольца своего, простите и велите мне посихмиться".

Нападение на Никона было последнею вспышкою мятежа; начали простывать, опаматываться и думать о следствиях своего дела: легко сладили с безоружным воеводою и митрополитом, но теперь предстояло разделяться с многочисленными ратями великого государя. Начали толковать, как бы послать в пятинны по дворян и детей боярских и привести их ко кресту; между собою собирались все крест целовать на том: если государь пришлет в Новгород обыскивать и казнить смертию, то всем стоять заодно и на казнь никого не выдать, казнить так казнить всех, а жаловать всех же. Думали и во Псков послать лучших людей, чтобы обоим городам стоять заодно. По всем улицам поставили сторожей от гилевщиков, чтоб ничьих дворов больше не грабили; жалели, что и в первый день позволили грабить двory, а грабили их ярыжки и кабацкие голыши и стрельцы, которые голые же люди. Лучшие люди говорили друг другу со слезами на глазах: "Навести нам на себя за нынешнюю смуту такую же беду, какая была при царе Иване". Сам Жеглов чуял беду, но делать было нечего: сила была у вооруженной толпы стрельцов, посадские люди не могли против них ничего предпринять.

20 марта, в среду вечером, Жеглов призвал к себе в земскую избу дворян и детей боярских и велел им руки прикладывать к записи, что им с мирскими людьми стоять заодно, стоять за то, чтоб государевой денежной казны и хлеба за рубеж не пропустить. Дворяне и дети боярские отвечали, что приложат руки к челобитной, чтоб государь денег и хлеба за рубеж отпускать не велел, а не к *одиночной* записи, и, сказавши это, пошли в

Каменный город. Тут поднялся шум между стрельцами, козаками и худыми посадскими людьми; толпа побежала в Каменный город, крича: "Перейдем дворян, прибежим прежде их в Каменный город, запрем решетку на мосту, дворян в город не пустим, выбьем их за город!" Но когда воры прибежали в рыбный ряд близ моста, то встретились им другие стрельцы и земские люди и поворотили их назад, говоря: "Надобно и ту беду утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить". Чтоб утушить беду, выбрали трех человек посадских, двоих стрельцов, одного козака и отправили их в Москву к государю, с дарами и с челобитной, в которой писали: "Бьют челом холопы твои государевы, дворяне и дети боярские и новгородские пятиконецкие старосты и все посадские люди и стрелецкие пятидесятские и все рядовые и все козаки и всякие служивые люди, и твои государевы богомольцы протопопы и попы и Дьяконы и всяких чинов жилецкие люди: в нынешнем, 158 году марта 15 за два часа до света приехали с Москвы немцы и стали на Никитиной улице, и того же дня в другом часу ночи те же немцы поехали из Новгорода вон, и на улицких караулах посадские люди их спрашивали: что-де вы идете ночью без государева пристава и без московского толмача? И они, немцы, учинились улицким караульщикам сильны, поехали из Новгорода, но у Чудова креста всяких чинов люди тех немцев начали ворочать и им говорить: что вы идете ночью, а не днем, ночью ездят воровские люди, пристава и толмача у вас нет? И те немцы начали нас колоть шпагами, и в том с ними учинилась драка. Их воротили к земской избе и расспрашивали, и в расспросе они сказались: я посланник датского короля Иверт Граб, а со мною посланных людей шесть человек, да с ним же ехали шведской земли подданные, а были в Москве для хлебной покупки. И вот посланник Иверт Граб тебе, государю, в вине своей добил челом, что поехал из Новгорода ночью без пристава и без толмача и шпагами нас колол, и в том во всем дал на себя запись, что ему тебе на нас не бить челом и в своей земле датскому королю, а шведы в Новгороде ожидают твоей государевой денежной и хлебной казны. А слух нам есть: как твою государеву казну, денежную и хлебную, шведские немцы возьмут и твои государевы недруги шведские немцы твоею казною хотят нанять иных орд немецких людей и идти с ними под Великий Новгород и Псков: и мы ради за тебя, государя, и за православную веру головы свои положить. Милосердый государь! Пожалуй нас, не вели из своего Московского государства своей денежной и хлебной казны и съестных запасов за рубеж шведским людям давать и пропускать, и не вели митрополичьим и окольниковичего князя Хилкова ложным отпискам верить, пишут они тебе на нас с сердец, что мы тебе на них бьем челом".

Челобитная на Хилкова состояла в том, что он царского указа не слушает, отпускает в Швецию торговых людей с хлебом и мясом по ночам для своей бездельной корысти, и на заставы писал, чтобы товаров не осматривать в возах, а которые головы и стрельцы осматривают, тех бьет кнутом и батогами нещадно. Он же в Новгороде у всяких чинов людей в избах печи печатал и в холодные дни топить изб не давал, отчего малые дети перезябли и померли. Он же наговорил митрополита Никона, чтоб тот в

день государева ангела новгородцев проклинал без государева указа и без патриаршего: священников всех митрополит запрещает, не велит им к мирским делам и к челобитным прикладывать руки вместо неграмотных людей, и от этого митрополичьего проклятия в Новгороде во всяких людях учинилось великое смятение. Митрополит с окольным мучили подьячего Нестерка ослопами и поленьем. Новгородцы били челом митрополиту о невинном, и Никон отдал им его, убитого за мертво. За такое неистовство и проклятие сила божия Никона митрополита обличила: когда в церкви Знаменья стал он говорить: "Свет Христов просвещает всех", - ударило его и всего раздробило. Он же, Никон, на память государевых отца и матери всяких чинов людей и чернецов на своем дворе бил на правеже насмерть. Когда пришла весть о рождении царевны Евдокии Алексеевны, то митрополит на такой радости никого из тюрьмы не освободил; он же хотел соборную церковь Софийскую рушить, а та церковь построена по ангельскому благовестию, и мы ему об этом били челом и церкви рушить не дали, а он, сердясь за это, пишет всякие отписки на нас государю. Он же, митрополит, держал за приставом в цепи и в железах бывшего своего приказного Ивана Жеглова многое время, и несколько дней, возя на дровнях, на правеже его бил и мучил ослопом насмерть, и вымучил на нем денег триста рублей, и многие он, митрополит, неистовства и смуту чинит в миру великую, и от той его смуты ставится в миру смятение. Да по договору государевых послов с думными людьми шведской королевы везут из Московского государства в Шведскую землю государеву денежную казну по двадцати и по сороку тысяч разными дорогами. В нынешнем 1650 году, в Великий мясоед, приехал в Новгород московский торговый человек Моисей Облезов и в Новгороде и в Новгородском уезде закупал хлеб, рожь, а везти тот хлеб в шведские города, а нам никому хлеба купить не дал, и мы все оттого обедняли и оголодали, а шведы мирный договор во всем нарушили, православную христианскую веру у русских зарубежных людей отняли, церкви божии осквернили, попов на Руси ставить не дают, а крестьянских детей крестят своими немецкими попами в своих кирках. Окольный князь Хилков послал теперь на рубежные заставы стрельцов и козаков триста человек, а для оберегания пороку и свинцу им ничего не дал: из этого ясно, что окольный шведским людям норовит, а государевых людей губит напрасно. По совету с окольным гость Семен Стоянов ездит в Шведскую землю много лет, возит рожь и мясо и всякие съестные запасы, немецких людей кормят и с ними советуют, а нас всех православных христиан голодом морят и вконец губят. Он же, Семен Стоянов, с шведскими людьми и иных орд, которые приезжают в Новгород, ест и пьет и ночи с ними у себя просиживает.

Но весть о новгородских событиях пришла в Москву прежде этих челобитчиков. Государь немедленно велел написать грамоту, в которой приказывал новгородцам, чтоб они, помня крестное целование, перехватили заводчиков смуты и выдали их начальству. С грамотой отправился дворянин Соловцов. Когда он приехал в Новгород, то сошлись все в земской избе; приехал воевода князь Хилков, но ему и места не дали.

Соловцев сказал новгородцам государево жалованное слово; начали читать грамоту: слыша, что в грамоте написано то же самое, что говорил посланный, стали кричать Соловцеву: "Ты почему ведаешь, что в государевой грамоте написано? Грамота воровская! У нас воров нет, все добрые люди, а стоять всем заодно, за государя; грамоты воровские, а не государевы, вольно вам ночью написать хоть сто столбцов". Хилков сказал: "Когда вы государевым грамотам не верите, то чему уже больше верить?" И пошел в соборную церковь.

Никон велел позвать туда же старост и всяких людей и говорил им, чтоб исполнили государеву волю, но они и ему отвечали то же: "У нас никаких воров нет, государю не виноваты и вины нам государю приносить не в чем". Пошли толки: "Грамота воровская; Соловцев не дворянин, а человек боярина Морозова; надобно его задержать до тех пор, как наши челобитчики с Москвы поедут поздорову". Действительно, Соловцев был задержан; лучшие люди в отчаянии говорили: "Мочи нашей нет!" В земской избе написали запись, чтоб против государева указа стоять заодно; начали силою, побоями приневоливать к рукоприкладству. Несмотря на то, Никон и Хилков успели удержать священников и многих светских людей от рукоприкладства, иные священники и добрые люди сбежали из города, другие лучше согласились сидеть в тюрьмах, нежели подписывать записи. Опять поднялись обличения на Хилкова: "Это изменник, хочет Новгород сдать немцам по приказу Морозова; взял посул у шведского посланника, четвертную бочку золотых, из пороховой казны зелье все выдал немцам, надобно у него новгородскую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотреть и по Каменному городу пушки расставить на случай прихода шведов". 27 марта собралась толпа, поехали на Московскую дорогу, привезли 30 бочек золы и объявили, что привезли селитру, которую Морозов отпустил к немцам; но когда откупорили бочки, то нашли одну золу. 29 марта Никон стал уговаривать исполнить государеву волю, и опять напрасно; 3 апреля начал уговаривать, чтоб отпустили, по крайней мере, Соловцева, и на этот раз новгородцы послушались. Приехав в Москву, Соловцев рассказал свои разговоры с Жегловым. "Зачем ты делаешь такое дурно?" - спрашивал он Жеглова; тот отвечал: "Это дело не я затеял, я сижу тут неволею; взяли меня из цепей миром; а если бы меня земские люди не взяли, то было бы еще хуже, потому что я унял смертное убийство и грабеж и датского посланника не дал до смерти убить".

Между тем приближался к Новгороду боярин князь Иван Никитич Хованский с небольшим отрядом ратных людей. Жеглов отправил к нему письмо, в котором извещал, что выехал было к нему навстречу, но не мог переехать Волховец за льдом. "Ожидают тебя в Великом Новгороде, - писал Жеглов, - а встречать тебя хотят за городом с хлебом и солью; милости у тебя, государя, прошу, не в укор тебе, государю моему, бью челом и пишу: облегчись в Великий Новгород скорым обычаем не со многими людьми и милостиво учини, а мирские люди государской милости и тебя ожидают вскоре; вперед, государь, жалуй, посылай в Новгород

новгородцев, а не иногородних людей, потому что иногородние люди не ведают ничего, говорят многие прибавочные речи, а новгородского извучая не знают; новгородский Никон митрополит и окольный князь Хилков в мир пускают словесную речь большую с устрашением, будто бы, государь, в Великий Новгород идешь по их отпискам православных христиан вешать и пластать без сыску и без очных ставок, и теми речами в миру чинят великое сумнение и смуту". Жеглов только еще писал письма Хованскому, но товарищ его Федор Негодяев поступил решительнее: он перебежал к Хованскому, который переслал его в Москву. Отсюда 15 апреля послан был царский указ Хованскому в Новгород не ходить, стоять у Спаса на Хутыне, собирать ратных людей, около города поставить заставы, никого не пропускать и к новгородцам посылать уговаривать покориться. Воевода исполнил приказание и получил ответ от новгородских стрельцов, что когда в земской избе прочли его грамоту, то посадский человек, сапожник Елисейка Григорьев, прозвищем Лисица, начал говорить всему народу: "Мы боярина князя Хованского в город не пустим, а если какая немера будет, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдем все во Псков". Он же, Елисейка, говорил: "Если Хованский придет с небольшими людьми, то мы его пустим, если же с большими, то не пустим". Все новгородцы писали Хованскому то же, что и Жеглов.

17 апреля царь отвечал новгородцам на их челобитную: "Прислали вы к нам челобитные от имени дворян и детей боярских, но у челобитен этих дворян и детей боярских рук ничьих нет, то вы делаете воровством. Нам, великому государю, известно подлинно и без вашего воровского письма и оправданья, что в Новгороде датского посланника и других немцев били, митрополита бесчестили и били, окольного нашего лаяли и бесчестили, городские ключи у него отняли и нашего государева повеленья ни в чем не слушаете. В ваших челобитных написано, чтоб нашей денежной казны и хлеба в Шведскую землю не пропускать: и мы, великий государь, с божьей помощью, ведаем, как нам государство наше оберегать и править. По вечному докончанию с шведским королем надобно было отдать всех перебежчиков, а довелось тех перебежчиков, православных христиан, в шведскую сторону отдать в лютерскую веру с 50000 душ, и мы велели за них дать деньги 190000 рублей, и в то договорное число отпущено было с Логином Нумменсом только 20000... Хотя бы вам в хлебе и прямое оскудение было, так вам бы надобно было бить челом нам, великому государю, и мы бы приказали привезти к вам хлеба. Пишете, чтоб хлеба и других съестных запасов продавать за рубеж не велеть, но тому статья нельзя, потому что между государствами ссылке и всякой торговле как не быть? Если с нашей стороны в каких-нибудь товарах заказ учинить, то шведы и сами никаких товаров в нашу сторону не повезут, и в том нашему государству будет оскудение. Жалуетесь на митрополита, что проклинал: и то он учинил дело; да если б он что иное учинил и не по делу, то об этом наше государское рассмотрение вперед будет. А чтоб шведским немцам идти под Новгород и Псков, и то нестаточное дело, потому что между нами и королевою вечное докончание. А что пишете о перемене окольного

князя Хилкова, то мы его переменить велели и указали быть в Великом Новгороде боярину нашему князю Юрию Петровичу Буйносову-Ростовскому. А челобитчикам вашим Сидору Исакову с товарищами (хотя бы за ваши злые вины учинить того и не довелось) велели видеть наши царские очи и велели их отпустить без всякого оскорбления; а стрельцу Кирилку да посадскому человеку Иевку Красильникову велено побыть на Москве до подлинного сыска, потому что они с ворами были вместе и на Москве с товарищами своими в речах порознились, говорили ложные речи. И вы бы вины свои принесли и заводчиков всех отдали боярину нашему князю Хованскому. А что вы прислали дары, и тех даров принять не довелось, потому что вы в своих челобитных вины своей нам не принесли и воров не прислали". В тот же день отправлена другая грамота с угрозою, что если новгородцы князя Хованского не примут и не будут слушаться и к сыску воров и заводчиков не отдадут, то государь пошлет с Москвы бояр и воевод с многими ратными людьми и велит учинить над новгородцами большое разоренье.

Между тем Федька Негодяев, живя в Москве, успел заискать расположение бояр и царя, видел царские очи, был у руки, получил прощенье и объявил, что Никон и прежде был виновником смуты: митрополит хотел в соборной церкви переделывать, и вот в Петров пост 1649 года мирские люди многие приходили к нему с шумом и говорили: "Прежде многие власти были, а старины не портили; мы тебе старого ничего в соборной церкви переделывать не дадим!" От митрополита пошла толпа к св. Софии, подвези из церкви выбросили, мастеров, которые подвязывали подвези и собирались столпы ломать, хотели бить, но те спрятались.

Негодяева отправили из Москвы в Новгород уговаривать горожан к повинению, уговаривать и Жеглова, чтоб отстал от воровства, и обещать прощение. Но вслед за этим, 20 апреля, получена грамота от Хованского, что новгородцы покорились. Как сильно было впечатление, произведенное в Москве рассказами Негодяева, видно из того, что на другой день по получении известия от Хованского о покорности новгородцев, 21 апреля, царь писал Никону: "Ты бы соборной церкви рушить и столпов ломать не велел". Никон сильно обиделся и отвечал длинною грамотою; описав все свое поведение во время мятежа, Никон продолжает: "Посадские добрые люди у меня пробыли во дворе, поил я их и кормил, и всякое худое дело у Ивашки да у Игнашки (Жеглова и Молодожникова) моего ради постояния разорялось и в совершение не приходило, и только бы я о том не стоял, много бы хуже псковского было; беспрестанно я за тебя, государя, бога молил и к тебе писал, нанимая худых людей всякими способами, посылал тайно. И за то, по наговору Ивашки Жеглова, опозорен и изувечен: да тот же Ивашка с товарищами били челом тебе ложно, будто я всех новгородцев проклинал; но я проклинал воров, а не добрых людей, и оттого сталась смута; но я проклинал на третий день после смуты. Да они же били челом, будто я хотел церковь соборную всю разрушить, и то явное их ложное челобитье: как мне без твоего государева указа разрушить? Да и

софийской казны не будет столько, что разобрать, не только что вновь создать. А Федька Негодяев твою государеву милость обманом выманил, а он не только твоего государева жалованья не достоин, но и живота не достоин; он на меня тебе, государю, и боярам твоим налгал небылицу, для его ложных слов ты на меня кручинишься, и что я к тебе ни писал, ответа мне до сих пор нет никакого; мне о том очень сумнительно и впредь о твоих государевых делах писать к тебе и здесь говорить нельзя. А ныне в Великом Новгороде тихо, сильно плачутся о мимошедшем своем к тебе согрешении. Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович! Уподобись милостивому и человеколюбивому богу! Как будут тебе о своих винах бить челом, прости; а я, уговаривая их, в твоей милости ручался, а если б не так уговаривал, то все бы отчаялись за свое плутовство и на большее бы худо вдалились; ко мне всем городом приходили не по один день и прощения просили, что меня били и бесчестили и били на меня челом ложно". Царь отвечал: "То ты, богомолец наш, делал и исполнял господню заповедь, св. апостол и св. отец предание, ревнуя по истинной Христовой вере, ревнуя прежним святителям и хвалы достойному новому исповеднику, Ермогену патриарху. И мы, великий государь, тебя за твое раденье и крепкое стоянье и страданье милостиво похваляем; и тебе бы и вперед ко всеильному богу обеты свои исполнять и добрым делам ревнителем быть, как начал, так бы и совершал".

С 24 апреля Хованский приступил к розыску. Прежде всего явился датский посланник с жалобой на Волка, которого пытали, и он повинился, что посланника бил и бесчестил; на него же все единогласно показывали, что мятеж, гиль и воровской завод чинил с Ивашкою Жегловым и Елисейкою Лисицею. Чтоб удовлетворить посланника и тем предотвратить разрыв царского величества с королевским, Волку отсекли голову на площади; палача, который пьяный приходил к посланнику и его опозорил, высекли кнутом. С 24 апреля по 7 мая сыскали заводчиков: старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Ивашку Жеглова, Игнашку Молодожникова, Никифорку Хамова, Степку Трегубова, Панкрашку Шмару, площадного подьячего Нестерка Микулина с сыном Гаврилкою, площадного подьячего Аханаткова; всех же объявилось в воровстве 212 человек.

Сначала Хованский хотел устроить тюрьму и посадить туда всех оговоренных; но 13 мая к Никону в соборную церковь пришли стрельцы с женами и детьми и били челом, чтоб государь их пожаловал, не велел оговоренных товарищей их стрельцов, которые у них на поруках, в тюрьму сажать, а дать бы им наказанье, кто чего достоин, да и отпустить. Никон послал за Хованским и сказал ему: "Прислана государева грамота, велено тебе со мною государево дело ведать: так моя мысль, что надобно исполнить просьбу стрелецкую потому: если всех оговоренных людей посадить в тюрьму, то они все будут ждать себе смертной казни; услышат о том псковичи и будут думать, что все виновные посажены в тюрьму на смерть; тогда государеву делу будет поруха". Хованский согласился, и большинство оговоренных отдано на поруки. Пришел приговор из Москвы:

казнить смертью Жеглова, старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Молодожникова, Шмару; Хамова и Трегуба бить кнутом нещадно и сослать в Астрахань на вечное житье: других бить кнутом и сослать на Терек, иных в Карпово, иных в Коротояк; иных бить кнутом и отдать на поруки; иных бить батогами и отдать на поруки. Исполнение приговора отложено, однако, до нового указа. Пришел новый указ: посадского человека Якушку да троих стрельцов велено бить кнутом нещадно, троих посадских бить батогами, 162 человека посадских, стрельцов и козаков бить кнутом и отдать на чистые поруки. Указ был исполнен, но между троими стрельцами, которых надобно было бить кнутом нещадно, находился Куземка Меркурьев; стали искать Меркурьева, а он в Москве, отправлен туда воеводою с отписками; 16 июня приехал Меркурьев из Москвы и вместо того, чтоб идти под кнут, подал жалованную царскую грамоту: велено ему быть в пятидесятниках и дано ему пять рублей за то, что с братом своим Фомкою в мятеж отняли у воров Никона и князя Хилкова, убить их не дали.

В Москве были недовольны медленностью Хованского; узнавши об этом, Никон писал государю: "Ведомо мне учинилось, что прислана твоя государева грамота к твоему боярину князю Ивану Никитичу Хованскому, а в ней написано, что боярин твоим государевым делом промышляет мешкотно: но твой государев боярин твоим делом радеет и промышляет неоплошно, да и я ему говорил, чтоб тем делом промышлял не вскоре, с большим рассмотрением, чтоб твое дело всякое сыскалось впрямь; от этого дело и шло медленно, а не по боярскому нерадению; вскоре было такого великого дела сыскать нельзя, а здесь, государь, приходит дело в совершенье работою боярина князя Ивана Никитича Хованского, и работал он тебе тихим обычаем, не вдруг, чтоб не ожесточились; а что промедлилось и в том твоему государеву делу поруки нет: худые всяких чинов люди в сыску; а мешкалось дело и для Пскова".

Во Пскове гиль опять начал усиливаться с половины марта. Лучшие люди с ужасом увидели, что преступники, сидевшие в тюрьме, ходят одни на свободе: началось сильное воровство, душегубство. Из Москвы отправлен был в Новгород и в Псков новгородец Богдан Арцыбашев с приказом, чтоб вперед в этих городах хлеба на государя не закупали. Исполнив свое поручение в Новгороде, Арцыбашев приехал во Псков 17 марта. Его взяли и поставили пред земскою избою, откуда вышел староста пятиконецкий Меншиков и начал его допрашивать. Кто он? Откуда? и проч. Грамоты у Арцыбашева отняли и между прочими грамоту к архиепископу Макарию от новгородского воеводы Хилкова. Это послужило поводом к новому гиллю; ударили в колокола и окружили архиепископа в Рыбницких воротах, когда он возвращался от обедни из Надолбина монастыря. "Для чего списываешься с новгородским воеводою?" - стали кричать гилевщики Макарию: "По твоему письму он наших челобитчиков послал в Москву скованных, а одного челобитчика под приказ подкинул!" Архиепископ отвечал, что он писал Хилкову о здоровье, а не об них. Потом начали

требовать, чтоб архиепископ выдал им своего сына боярского Турова, который вывел из города Федора Емельянова; Макарий отвечал, что Туров от него сбежал; тогда архиепископа схватили, начали водить по площади и посадили в богадельню на цепь, и сидел он на цепи с час; выпустили его только тогда, когда он обещался к 19 марта сыскать Турова. После этого гиль не прекращался: каждый день набат, круги и советы. 21 марта вывели опять на площадь шведа Нумменса, раздели и пытали полчаса. Арцыбашев сидел в тюрьме на цепи; его допрашивали: чей он холоп, Морозова или Хилкова?

На смену Собакину 25 марта приехал из Москвы другой воевода, окольный князь Василий Петрович Львов. Сдавши город новому воеводе, Собакин хотел уехать, но псковичи его не пустили: "Когда воротятся поздорову наши челобитчики из Москвы, тогда тебя и отпустим", - говорили они. Новый воевода недолго пожил в покое. 28 марта пришли к нему в съезжую избу всяких чинов люди и начали требовать пороху и свинцу. "Зачем вам порох и свинец?" - спросил Львов. - Разве что из-за рубежа слышно? Если что слышно, то мы пошлем проведать. С немцами войны нет". Стрелец Коза отвечал: "Из-за рубежа не слыхать ничего, боимся московского рубежа; слышали мы, что идут к нам с Москвы во Псков многие служивые люди. С немцами войны нет, но нам те немцы, которые с Москвы будут по наши головы". Львов сказал на это: "Али вам с государем драться? Пороху и свинцу вам не дам, разве, задавив меня, снять вам печать и ключи казенные". Тут закричали миром: "С ружьем! С ружьем!" Загудели колокола, поднялся страшный шум, ругательства на Львова, крики: "Изменник! Изменник!" Окружили съезжую избу, примеривались из пищалей в окно; стрелец Ивашка Колчин махал топором, грозился срубить воеводу; Львов снял со стены Спасов образ и говорил: "Православные христиане, какого вы изменника во мне нашли государю? Вот вам Спасов образ, что я не изменник государю! Порох и свинец берите силою, а волею я вам не дам". Порох и свинец были взяты, после чего повели Львова во всегороднюю избу и вытребовали от него ключи городовые. Но этим дело не кончилось: пришли ко Львову и Собакину в дома их и кричали: "Если не пошлете с нашими челобитчиками в Москву детей своих, то мы у вас возьмем их и не в честь, а вас побьем; а если дети ваши челобитные где-нибудь по городам покажут и скажут, что у челобитчиков челобитные, а не у них, и если государь что-нибудь велит сделать над нашими челобитчиками, то мы вас самих побьем до смерти". Воеводские сыновья были взяты силою.

30 марта приехал из Москвы во Псков для розыска окольный князь Федор Федорович Волконский. Старосты провели его на пустой двор Федора Емельянова; но как скоро в мире узнали, что Волконский остановился у Емельянова, то поднялся крик: "Изменник! Стал на изменничьем дворе!" Волконский, по приезде, отправился, по обычаю, в Троицкий собор, но у Довмонтовой стены окружила его толпа с криком: "Вот изменник! Убейте его камнем!" Услыхав эти крики, Волконский

поспешил к собору и, вбежав в церковь, начал прикладываться к образам. Но толпа ворвалась за ним в церковь, взяли его за бороду и за волосы и повели из церкви вон; стрелец Сенька Жегара ударил его плитою, сын попа Заплевы хватил обушком. Избитого, привели Волконского на площадь, поставили на чан и спросили: "С чем ты во Псков приехал?"-"С чем прислан, то и стану делать", - отвечал Волконский. Взяли у него государеву грамоту и начали читать во весь мир; когда дочли до того места, где сказано было, что воров казнить, а иным наказанье чинить, и заводчики мятежа были названы поименно, то эти заводчики закричали: "Государь прислал казнить нас, а мы здесь скорее казним того, что прислан нас казнить!" - и кинулись на Волконского с топорами и пищалями, но выборные люди не дали его убить, воры успели только ранить его топорком в голову. Потом гилевщики послали за Собакиным, поставили его на чан и порывались убить, крича: "Ты писал к государю, что во Пскове хлеб дешев, так мы тебя из Пскова не отпустим, поживи с нами на дешевом хлебе!" Возвратились из Новгорода псковские козаки, посланные туда для вестей, и сказали, что Волконский на дороге жег какие-то письма, а в Новгороде Великом тоже учинили мятеж и гилеванье. Эти вести раздули еще сильнее мятеж, гилевщики пуще начали волноваться и кричать всем миром: "Не одни мы, и новгородцы то же сделали, теперь в этом деле два города!" Загудел набат, и Волконского в другой раз вывели на площадь для расспроса: какие письма он в дороге жег? Волконский отвечал, что он писал к государю о новгородских вестях, а черновую отписку на стану сжег, потому что ему не надобна, "а вам, псковичам, до того дела не пристало". Но твердыми словами нельзя уже было унять гиля, а силы не было у воеводы: из дворян никто к нему во Псков не приехал, а которые и были в городе, и те от гилеванья мирских людей разбежались. Стрельцы перестали слушаться голов своих, били всем приказом голову Бориса Бухвостова и кричали: "Государь нас не жалует, прибирает солдат!" У Волконского взяли племянника и отправили в Москву, говоря дяде: "Если не пошлешь, то мы тебя повесим на Ригине горе".

Между тем псковские челобитчики приехали в Москву. 12 мая государь приказал поставить их перед собою и расспросить. Помещик Григорий Воронцов-Вельяминов сказал: "Послан я от своей братьи, дворян и детей боярских, бить челом в своей страдничьей вине, что к челобитной руки приложили поневоле, потому что мирские люди захватили нас врознь, в небольшом числе, а пущие воры заводчики: площадной подьячий Томилка Слепой, стрельцы: Прошка Коза, Ивашка Копытов, Никита Сорокоумов, Андрюшка Савостьянов с братом Васьюкою, Ивашка Колчин, Сенька Жегара; посадские люди: Добрынка Банщик, Прохорка Мясник, Пашка Шапошник; два попа: Евсей да Иаков Заплева: во всегородней избе теперь у них сидят: староста Гаврилка Демидов да Михалка Мишницын; стрелецкие пятидесятники: Неволька Сидоров, Парамошка Лукьянов, Федька Снырка; козаки: Ивашка Сахарный, Ивашка Хворый; троцкий протопоп Афанасий, прозвищем Друган, да ключарь Дионисий, только протопоп и ключарь сидят поневоле, да тут же сидит Георгиевский с

болота поп Яков, и тот ко всяким их воровским заводам и умыслу пристаёт и думает с ними вместе; сидят многие посадские люди, только к воровству не пристають, сидят молча". В челобитной своей к государю псковичи писали: когда они просили воеводу не отдавать хлеба немцам до государева указа, то Собакин грозил им ссылкой и смертною казною; Нумменс в расспросе грозил им войною: полковник Краферт, идучи с царскими послами, во Пскове все укрепления осматривал; воеводу и архиепископа они не бесчестили ничем; к Емельянову на двор немцы приезжают; прежде он за воровство был пытан, и у соляного пошлинного сбора с площадным подьячим Филькою Шемшаковым пошлины брал вдвое, втрое и впятеро и пенные деньги на всех людях брал большие, во всем у него дума с Семеном Стояновым, а норовят немцам; да он же, Емельянов, хвалит немецкую веру и обо всяких вестях пишет к немцам: чтоб государь велел Емельянова прислать во Псков на очную ставку. Шведы будут под Новгородом на Христов день, подо Псковом на Николин или Троицын день, почему они, псковичи, и ключи городовые у воеводы взяли. Если шведская королева придет войною за денежную и хлебную казну и за перебежчиков, то они, псковичи, против шведов ради стоять. При прежних государях, при царе Иване Васильевиче, иноземцы никакие не служили. При царе Михайле ратным людям давали жалованье без убавки, а теперь у служивых людей жалованье наполовину отнято, а иным и вовсе не дают; а которым служивым людям дают жалованье по жалованным грамотам, то воеводы и дьяки дают не против жалованных грамот, и от этого жалованья со всех служивых людей, кроме пригородов, берут посулов в год рублей по 500 и больше; на указные сроки жалованья не выдают, а дают, норовя кабацким откупщикам, под праздники, чтоб жалованье ложилось у кабацких откупщиков. Москвичи природные служивые и всяких чинов люди безвинно из Москвы в Сибирь поразосланы, многие помучены и палицами побиты и в воде потоплены, а иные в Сибири между гор в пропастях поустроены. Ругу дают на церкви перед прежним в половину, и церкви без архиепископского и воеводского призренья валяются розно. Воевода Собакин брал в рядах из лавок всякие товары и ремесленных людей заставлял на себя всякие работы работать насильно, а денег не давал; сыновья его многих вдов, замужних женщин и девиц, перенимая по улицам и на реках по портомойням, с своими дворовыми людьми, насильством позорили. Писцы посадских людей написали перед крестьянами тяжело, положили на них тягло семь доль, а на крестьян осьмую долю. Шелонской пятины крестьянин Артемка сказал во Пскове, что в Новгороде в немецкой сказке (в допросных речах) написано: как будут немцы подо Псков, то из Москвы придет боярин Морозов и сдаст Псков немцам без бою. Псковичи просили, чтоб государь для подлинного сыску прислал во Псков Никиту Ивановича Романова, который государю радеет и о земле болит. Прося явно о присылке Романова, псковичи тайно отправили в Москву козак Михайлу Карпова; проселочными дорогами пробрался козак и подал боярину Никите челобитную; в ней псковичи просили, чтоб вперед во Пскове воеводы и

дьяки судили с земскими старостами и с выборными людьми по правде, а не по мзде и посулам, просили также не посылать псковичей в Москву. Романов привел козака и с челобитной к царю.

Царь велел всем челобитчикам видеть свои очи и отпустил их с ответною грамотою к псковичам на все статьи челобитной. Относительно жалоб на злоупотребления был один ответ: "Холопы наши и сироты нам, великим государям, никогда не указывали, и вам надобно было челом бить до нынешнего смятения, а самим не управляться". Насчет Краферта царь отвечал: "Краферт у нас в вечном холопстве и подал нам чертеж, как укреплять Псков". Об иноземцах: "Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнус и многие иноземцы". О Романове: "Написали вы это по воровскому заводу: нам он, боярин, наш холоп, служит с своею братьею боярами вместе, а недоброхота между боярами никого нет. При предках наших никогда не бывало, чтоб мужики с боярами, окольными и воеводами у расправных дел были и вперед того не будет". Царская грамота оканчивалась угрозою, что если псковичи не покорятся, то пойдут на них боярин князь Алексей Никитич Трубецкой да князь Михайла Петрович Пронский со многими ратными людьми и с нарядом. В грамоте к архиепископу Макарию царь выставлял поведение Никона в Новгороде образцовым, писал, что его митрополичьим раденьем и князя Хованского службою новгородцы в познание пришли.

Тот же Хованский шел теперь на Псков, спрашивая встречавшихся ему помещиков, где удобнее остановиться под городом? Те указывали ему на Снетную гору. 28 мая он приблизился ко Пскову и был встречен стрельбою из большого наряда; в то же время многие пешие и конные люди вышли из города и стреляли из мелкого ружья; ответу им не было, потому что Хованский запретил своим биться с псковичами. Но псковичи не думали платить учтивостью за учтивость: они напали на обоз и успели подхватить шесть телег с имением Хованского; только телега с разрядными делами была у них отбита. Хованский стал на Снетной горе и писал к государю, что у него людей мало, осадить город и ворот отнять нечем, всего войска у него 2000, да в Любятинском монастыре оставлено им 700 человек, а между Любятинским монастырем и Снетною горою верст с десять. Запасов ничего нет; уездные люди с псковичами заодно воруют, по дорогам стоят, людей хватают и во Псков отводят, а хлеб всякий по лесам похоронили. "А найдут на нас псковичи на Снетную гору с нарядом, и нам никак стоять нельзя, и больше пяти дней на Снетной горе стоять нельзя, потому что конских кормов нет".

Пришлось, однако, простоять больше пяти дней. Псковичи не думали сдаваться и говорили: "Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, так не сдадимся: города вскоре не разобьют и не возьмут, а нам в городе есть с чем сидеть, хлеба и запасов будет лет на десять". Написали в Гдов, и гдовцы с псковичами сложились заодно. Приехали челобитчики из Москвы и сказали миру ответ государев. "Вы говорите это по научению

изменников!" - закричала толпа, и одного из челобитчиков, Федьку Коновалова, повели на пытку, зачем привез грамоту не от государя. В своем решении не сдаваться гилевщики поддерживались рассказами, привозимыми из-за границы: один рассказывал, что был по торговым делам в Нейгаузене, и там на городских воротах прибит лист, на листу написана королева, как живая сидит, с мечом, а внизу под нею, наклонясь, стоит праведный государь Алексей Михайлович. Другой рассказывал: встретился он на рубеже с литовцами, и те говорили, что царь Алексей Михайлович теперь в Польше, выехал из Москвы сам-шост тому недель с тридцать, сами они, литовцы, государя видели, король его жалует, и смотрят на него все, что на красное солнце; стояли бы псковичи против Хованского крепко, а государь будет с козаками донскими и запорожскими подо Псков на выручку скоро. Третий рассказывал, что государя действительно на Москве нет: подкатили под палату зелья, но государя спасла втайне жена Морозова. Хованский послал уговаривать псковичей дворян Савву Бестужева с одиннадцатью товарищами. Псковичи привели посланных во всегородную избу и расспрашивали порознь, ограбили, били и называли изменниками. "У вас немцы, - говорили они, - а нам, псковичам, если какая немера будет, то у нас будут поляки для выручки"; всех бояр и думных людей называли изменниками; про Хованского кричали: "Он Великий Новгород обманом взял, мы его в котле сварим да будем есть". Грамоту Хованского прочли на весь мир на чанах, а дворян заперли. После полудня зазвонили в колокол, собрался скоп, и начали думать - побить дворян Хованского или отпустить? Порешили на том, что Бестужева убили, двоих отпустили назад к Хованскому, а девятерых посадили в тюрьму. Всем распорядился староста Гаврила Демидов. Заводчики написали было грамоту к литовскому королю, чтобы прислал им людей на помощь, но мир не согласился, и грамоту не отправили.

Хованский велел делать мост под Снетною горою через Великую реку, чтоб у псковичей и за Великую рекою засады и дороги заступить. Проведав про мост, псковичи начали приходить ежедневно и стрелять по таборам и таким образом не давали навести моста. 31 мая сделали они вылазку и сожгли острог, который был устроен за Великую рекою для укрепления Снетной горы; приступали и к острожку, который находился между Снетною горою и Любятинским монастырем, но были отбиты. Хованский доносил, что псковичи над убитыми его ратными людьми ругались, как и зверь не делает; воевода продолжал писать жалобные отписки: "Вылазки, государь, и бои ежедневные, а у дворян и детей боярских запасов мало: дети боярские мелкие, козаки, стрельцы и в постные дни едят мясо". 18 июня была новая сильная вылазка из Пскова и опять отбита: псковичей гнали до самых городских ворот и убили у них человек с 300.

Несмотря на то, псковичи не сдавались, и против них отправился не князь Трубецкой со многими ратными людьми: 4 июля поехали во Псков из Москвы Рафаил, епископ коломенский, Сильвестр, архимандрит андроньевский, Михаил, протопоп черниговский, и выборные люди из

стольников, стряпчих, дворян, гостей и дворовых людей. Посланные должны были уговаривать псковичей, чтоб они впустили князя Хованского и выдали зачинщиков: Гаврилку Демидова, Мишку Мошницына, Дружинку Бородина, Прошку Козу да Ваську Копыто, за что получат прощение, в противном случае государь пойдет на них сам и велит их до конца разорить. К Хованскому был послан приказ: "Старосте Гавриле Демидову писать тайно, чтоб он обратился, вину свою принес и из города ушел к тебе в полки: за это к нему государская милость будет; также и к стрельцам писать тайно, чтоб они ворота отворили и тебя пустили!" Но Хованский продолжал присылать в Москву печальные вести: "Сумерской волости солдаты изменили, сложились с гдовцами заодно и у псковичей всем этим людям положен срок быть в Псков за неделю до Ильина дня, и если такая многая пехота придет, то чаем всякого худа от малолюдства. Избярне изменили, сложились со псковичами".

26 июля указал государь быть собору о псковском воровском заводе; на соборе быть боярам, окольниковым и т. д., из городов дворянам и детям боярским, московским гостям, гостиные, суконные и черных сотен торговым людям и стрельцам, быть из гостиной и суконной сотен старостам по 5 человек, а из черных сотен по соцкому. На соборе советным людям рассказали все поведение псковичей и как они, выходя из города, разоряют дома дворян и детей боярских, жен и детей их побивают и над дворянами ругаются: груди вспарывают и, горла прорезав, языки вытаскивают; в уезде побии помещиков Авдея Бешенцова, жену его и детей, сожгли и убили Неклюдова, Ногина, псковского гостя Никулу Хозина; приходят и в Шелонскую пятину, бьют помещиков. После этого объявления предложен был вопрос: "Если псковичи Рафаила епископа и выборных людей не послушают, то с ними что делать?" Ответа советных людей не сохранилось, но к Рафаилу был послан указ не требовать выдачи заводчиков гиля, уговаривать псковичей вины свои принести и обещать им, если они покорятся и государю крест поцелуют, то князь Хованский немедленно отступит от Пскова в Новгород. Не требовать выдачи заводчиков мятежа советовал Никон. Еще в начале мая посылал он Софийского дома стряпчего Богдана Сназина уговаривать псковичей, чтоб вины свои государю принесли. Сназина у городских ворот схватили караульщики и привели во всегородную избу к выборным людям, посадскому человеку Гавриле Демидову и к дворянину Ивану Чиркину с товарищами; выборные взяли у Сназина грамоты, распечатали, прочли и велели бить в сполошный колокол: народ сошелся к избе, и ему начали читать митрополичьи грамоты. Выслушав, псковичи стали бранить митрополита невежливыми словами всячески: "Его мы отписок не слушаем; будет с него и того, что Новгород обманул, а мы не новгородцы, повинных нам к государю не посыловать, и вины над собою никакой не ведаем". Сназина сначала сковали, потом отпустили с ответом, чтоб митрополит к ним впредь не писал и никого не присылал, а кого пришлет, тому спуску не будет. Никон, убедившись, что заводчики мятежа слишком

сильны во Пскове, и видя, что недостаток энергических мер со стороны Москвы только длит войну и разоренье, написал к государю:

"Мне, богомольцу твоему, ведомо учинилось, что у псковичей учинено укрепленье великое и крестное целованье было, что друг друга не подать, а те четыре человека, которых велят им выдать, во Пскове владетельны и во всем их псковичи слушают; а если псковские воры за этих четырех человек станут, и для четырех человек твоя вотчина около Пскова и в Новгородском уезде, в Шелонской и Воцкой пятинах и в Луцком уезде и в Пустой Ржеве разорится: многие люди, дворяне и дети боярские, их жены и дети посечены и животы их пограблены, села и деревни пожжены, а иные всяких чинов люди подо Псковом и на дорогах побиты, а я с архимандритами, игумнами и с новгородскими посадскими людьми и крестьянами, подводы нанимая дорогою ценою под ратных людей и под запасы, вконец погибли, твоя отчина пустеет, посадские людишки и крестьянишки бредут врознь. Вели, государь, и тем четверем человекам, пушим ворам, вместо смерти живот дать, чтоб Великому Новгороду и его уезду в конечном разорении не быть. А тем промыслом Пскова не взять; которые люди под Псковом, и тех придется потерять, а Новгороду от подвод и ратных людей будет запустенье. А я, уговаривая новгородцев, дал им свое слово, что тебе, государю, за их вину бить челом, и потому Новгороду и твоей казне убытка и людям порухи никакой не было; да и впредь бы мне о всяких твоих государевых делах говорить с новгородцами надежно и постоянно. А как приехал в Новгород боярин князь Иван Никитич Хованский и он новгородцам божился, что им никакой жесточи за их вину не учинит; а теперь псковичи, слыша, что воры сидят в Новгороде в тюрьмах, боясь того же, никакому увещанию не верят, на новгородских воров, тюремных сидельцев, указывают: "И нам то же будет!"

Но откуда проистекла эта нерешительность употребить сильные меры, нерешительность исполнить угрозу: выслать большое войско с Трубецким? Не будем отвечать на этот вопрос собственными догадками; укажем только на одно опасение, о котором прямо говорят источники: тотчас после собора призваны были черных сотен соцкие в Посольский приказ и говорено им, чтоб извещали государю про всяких людей, которые станут воровские речи говорить или в народе вместиать.

Между тем военные действия подо Псковом продолжались. 12 июля псковичи сделали сильную вылазку, хотели взять острог за Великою рекою; завязался бой большой, потому что Хованский пришел с Счетной горы на помощь острожку. Псковичи были отбиты и потеряли больше 300 человек, пушки и знамена. Заводчики мятежа сильно сердились на архиепископа Макария, что он не помогает их делу. Однажды пришла в соборную церковь вооруженная толпа, кричала на Макария, угрожала смертью, зачем он своим приказным людям и детям боярским не велел ходить на вылазки и на караулы; кричали: "В Троицком дому до людей, до лошадей, до хлеба и до денег тебе дела нет, то все надобно городу!" Июля

30 пришли к Макарию выборные люди докладывать об ердани для 1 августа; архиепископ воспользовался случаем и начал говорить, чтоб повинились государю, приискал статью в псковском летописце, где написано было с большими клятвами, чтоб от своего государя в городе не затворяться и рук против него не поднимать. Выборные, пришедши во всегородную избу, велели эти слова Макария записать, зазвонили в колокол и прочли их при всем народе; следствием было то, что архиепископа взяли из церкви во время службы, посадили в богадельню и положили на него большую цепь.

Но Макария выпустили из богадельни в половине месяца, потому что пришла весть о приближении Рафаила с выборными. 17 августа они имели во Псков торжественный вход: архиепископ Макарий с духовенством и с народом встретил их за полверсты от города; в Троицком соборе пели молебен, после молебна читали государеву грамоту; когда дочли до того места, где говорилось, что псковичи хотели посылать грамоту к литовскому королю, то все начали кричать, что они такой грамоты не писали и не читали и в уме у них этого не было. На другой день псковичи объявили Рафаилу, что они вины свои приносят государю и готовы целовать крест, но если в крестоприводной записи будет написано о литовской грамоте, то они креста целовать не будут. Рафаил исключил это место, и 20 числа поутру поцеловали крест старосты и лучшие люди; но после обеда началось волнение, стали кричать: "В крестоприводной записи написано о немчине Нумменсе, о госте Емельянове, о том, что мы, псковичи, в уезде помещиков, жен и детей их били; но кто немчина бил и двор Емельянова грабил и в уездах помещиков побивал, тот бы и крест целовал, а мы не хотим". Накинулись на старост и выборных людей, хотели их убить, кричали им: "Для чего вы против этих статей крест целовали?" Этим воспользовались гилевщики; поп Евсей, староста Демидов, Томилка Слепой кричали, что не надобно креста целовать, и говорили про государя речи, уму человеческому невместимые. На другой день, когда нужно было приводить к кресту остальных, в самой соборной церкви начался страшный шум, и многие пошли было из церкви вон, но Рафаил с товарищами убедил их возвратиться и присягнуть. "Как же, - говорил он, - вы прежде утверждали, что воров и заводчиков у вас нет, что все вы виноваты, а теперь запираетесь и складываете вину на немногих?" Шум унялся, все целовали крест, но поп Евсей со своими товарищами попами к повинной руки не приложил. В Москву были отправлены челобитчики с повинною к государю.

Рафаил именем царским объявил всепрощение, но стоило только утихнуть волнению, как лучшие люди взяли верх и начали управляться с заводчиками: сковали и посадили во всегородную избу старосту Гаврилу Демидова за то, что в мятеж из тюрьмы воров распустил и шишей в уезды рассылал дворян побивать, во Пскове всякий мятеж и гиль чинил и, напившись пьян, из пушек стрелять приказывал. Схватили егорьевского попа Фирса, который, собравшись с шишами, разорял уезды. Воевода

Львов велел было губным старостам хватать воров, выпущенных Демидовым, - воры разбежались; воевода велел сыскать поручиков - поручиками оказались заводчики гилы, Коза и Копыто с товарищами, которые начали кричать, что сыскивать воров не будут, и воевода, опасаясь нового мятежа, оставил поручиков в покое. Но лучшие люди не хотели оставить гилевщиков в покое; они били челом на заводчиков мятежа: Прошку Козу, Иева Копыто, Никиту Сорокоума, Ивана Клобучкова, перехватили их и отдали князю Львову, который велел посадить их в тюрьму; к тюрьме стал собираться народ, начались толки: "Государь нас простил во всем, а князь Львов сажает в тюрьму и чинит наказанье, бьет кнутом: в том государь волен, а нам по-прежнему *бить в тарарыку*; если государь изволит сам быть во Пскове, то мы ему все повинны головами своими; а если придет бояр с людьми ратными и велит нас вывезть, то мы жен своих и детей побьем, а сами на зелье (порохе) помрем". Между тем подьячий Захар Осипов подал челобитную, в которой объявлял, что в мятежное время староста Гаврилка Демидов взял его, Захара, для письма в земскую избу, держал неволею и велел писать лист к литовскому королю о присылке на помощь 5000 ратных людей; Осипов объявил, что в думе об этой измене было всего четыре человека. Когда из Москвы возвратились челобитчики, отправленные к государю с повинною, то князь Львов созвал псковичей, объявил им государскую милость и говорил, чтоб они не стояли за гилевщиков, которые после крестного целования хотели опять завести воровской завод: Гаврила Демидов у соборной церкви бил стрельца за то, что тот обличал его воровство; Томилка Слепой приходил к стрельцу Игнашке Мухе и говорил, чтоб им завести мятеж. Лучшие люди отдали Демидова и Слепого. 21 ноября Демидов, Слепой, Коза, Копыто, Сорокоумов, Клобучков, Шапошников, Семяков были вывезены из Пскова в Новгород и там посажены в тюрьму в оковах. Когда их повезли, то многие псковичи собрались с женами и детьми и провожали их за город, причем слышались слова: "Во Пскове государь казнить их не велел, а велел сослать в Новгород, а если в Новгороде государь велит их казнить, то нам всем казненным и сосланным быть".

23 ноября земские старосты подали челобитную на Дружинку Бородина, что заводит прежнее воровство, гиль и мятеж. Бородин схватили, били кнутом по торгам нещадно и отдали за пристава для отсылки в Москву. В это время пришел царский указ выслать в Москву половину псковских стрельцов на службу и подводы для них взять во Пскове. Чтоб толковать о подводах, собрались в земскую избу старосты, посадские люди, монастырские служки и ямщики; Бородин захотел воспользоваться этим и прислал с женою в земскую избу возмутительное письмо, но обманулся в расчете: земские старосты принесли это письмо в съезжую избу к воеводе. Касательно дальнейшей судьбы заводчиков известна грамота государева к шведской королеве Христине, чтоб та прислала своих людей в Новгород для присутствия при казни мятежников, оскорбивших Нумменса; но ответа на это предложение не было. Так рушились все попытки возобновить мятеж. В Москве государь созвал всех тех, которые были на соборе 26

июля, и объявил им: "Псковичи вины свои принесли, присягу дали и мы их прощаем".

Когда все успокоилось в Новгороде и Пскове, в 1651 году Никон приехал в Москву и успел снова приобрести могущественное влияние на молодого царя, ибо прежнее влияние было поколеблено отсутствием. Никон уговорил государя перенести в Успенский собор гроб патриарха Гермогена из Чудова монастыря, гроб патриарха Иова из Старицы и мощи Филиппа митрополита из Соловков. За мощами Филиппа отправился сам Никон в сопровождении боярина князя Ивана Никитича Хованского и Василия Отяева. Торжество это имело не одно религиозное значение: Филипп погиб вследствие столкновения власти светской с церковною; он был низвергнут царем Иоанном за смелые увещания, умерщвлен опричником Малютою Скуратовым. Бог прославил мученика святостью, но светская власть не принесла еще торжественного покаяния в грехе своем, и этим покаянием не отказались от возможности повторить когда-либо подобный поступок относительно власти церковной. Никон, пользуясь религиозностию и мягкостию молодого царя, заставил светскую власть принести это торжественное покаяние. Он отыскал пример в преданиях византийских, как император Феодосии, посылая за мощами Ионна Златоуста, писал молитвенную грамоту к оскорбленному его матерью святому; и Никон повез в Соловки грамоту царя Алексея к св. Филиппу: "Молю тебя и желаю пришествия твоего сюда, чтоб разрешить согрешение прадеда нашего царя Иоанна, совершенное против тебя нерассудно завистию и несдержанием ярости. Хотя я и не повинен в досаждении твоем, однако гроб прадеда постоянно убеждает меня и в жалость приводит, ибо вследствие того изгнания и до сего времени царствующий град лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю сан свой царский за прадеда моего, против тебя согрешившего, да оставиши ему согрешение его своим к нам пришествием, да упразднится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание, пусть все уверятся, что ты помирился с ним: он раскаялся тогда в своем грехе, и за это покаяние и по нашему прошению приди к нам, св. владыка! Оправдался евангельский глагол, за который ты пострадал: "Всяко царство, раздельшееся на ся, не станет", и нет более теперь у нас прекословящего твоим глаголам, благодать божия теперь в твоей пастве изобилует; нет уже более в твоей пастве никакого разделения: все единомысленно молим тебя, даруй себя желающим тебя, приди с миром восвояси, и свои тебя с миром примут".

Везя с собой покаяние царя в том, что некогда царь не послушался увещаний архиерейских, Никон считал себя в полном праве требовать от сопровождавших его вельмож, чтоб они беспрекословно исполняли его распоряжения относительно дисциплины церковной. Послышались жалобы на неумеренность требований новгородского митрополита; люди с характером, подобным Никонову, не очень способны к умеренности в чем бы то ни было; притом же, крутой по природе, Никон не имел возможности приобрести мягкость в обхождении посредством воспитания и требований

общественных, тогдашнее общество не требовало этой мягкости. Жалобы достигли двора, царя. Но пусть сам царь расскажет нам о том, что происходило в Москве в 1652 году, во время отсутствия Никона, пусть расскажет нам о своих отношениях к вельможам, патриарху и особенно к самому Никону, пусть этим простосердечным своим рассказом введет нас в тот век, в то общество.

"От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, великому солнцу сияющему, пресветлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолуцкому, от нас, земного царя, поклон. Радуйся, архиерей великий, во всяких добродетелях подвигающийся! Как тебя, великого святителя, бог милует? А я, грешный, твоими молитвами, дал бог, здоров. Не покручинься, господа ради, что про савинское дело не писал к тебе, а писал и сыск послал к келарю; ей, позабыл, а тут в один день прилучились все отпуски, а я устал, и ты меня, владыка святой, прости в том; ей, без хитрости не писал к тебе. Да пожаловать бы тебе, великому святителю, помолиться, чтоб господь бог умножил лет живота дочери моей, а к тебе она, святителю, крепко ласкова; да за жену мою помолиться, чтоб, ради твоих молитв, разнес бог с ребеночком; уже время спеет, а какой грех станется, и мне, ей, пропасть с кручины; бога ради, молись за нее. Да буди тебе, великому святителю, ведомо: многолетие у нас поют вместо патриарха: спаси, господи, вселенских патриархов, и митрополитов, и архиепископов наших, и вся христиане, господи, спаси; и ты отпиши к нам, великий святитель, так ли надобно петь, или иначе как-нибудь, и как у тебя святители поют?" Любопытно видеть здесь, как царь просит прощения у Никона в том, что не писал ему про какое-то савинское дело, клянется, что сделал это без хитрости: значит, что о всех духовных делах царь считал своею обязанностью уведомлять новгородского митрополита.

Другое письмо, более любопытное, начинается так: "Избранному и крепкостоятельному пастырю и наставнику душ и телес наших, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесных овец. О крепкий воин и страдалец царя небесного и возлюбленный мой любимец и содружебник, святой владыко! моли за меня грешного, да не покроет меня глубина грехов моих, твоих ради молитв святых; надеясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житие, пишу так светлосияющему в архиереях, как солнцу светящему по всей вселенной, так и тебе сияющему по всему нашему государству благими нравами и делами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресветлому митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и телесному. Спрашиваем о твоём святительском спасении, как тебя, света душевного нашего, бог сохраняет; а про нас изволишь ведать, и мы, по милости божией и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский нарицаюсь, а по своим злым мерзким делам недостоин и во псы, не только

в цари, да еще и грешен, а называюсь его же светов раб, от кого создан; и вашими святыми молитвами мы и с царицею, и с сестрами, и с дочерью, и со всем государством, дал бог, здорово. Да будь тебе, великому святителю, ведомо: за грех православного христианства, особенно же за мои окаянные грехи, содетель и творец и бог наш изволил взять от здешнего прелестного и лицемерного света отца нашего и пастыря, великого господина Кир Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, изволил его вселити в недра Авраама и Исаака и Иакова, и тебе бы, отцу нашему, было ведомо; а мать наша соборная и апостольская церковь вдовствует, слезно сетует по женихе своем, а как в нее войти и посмотреть, и она, мать наша, как есть пустынная голубица пребывает, не имеющая подружия: так и она, не имея жениха своего, печалится; и все переменялось не только в церквах, но и во всем государстве; духовным делам рассуждения нет и худо без пастыря детям жить. Как начали у меня (в великий четверток) вместо херувимской первый стих *вечере твоей тайне* петь, и пропели первый стих, прибежал келарь спасский и сказал мне: "Патриарха, государь, не стало!" А в ту пору ударил царь-колокол три раза, и на нас такой страх и ужас нашел, едва петь стали, и то со слезами, а в соборе у певчих и властей всех со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? Да к таким дням великим кого мы грешные отбыли? Как овцы без пастуха не ведают, где деться, так и мы теперь грешные не ведаем, где главы преклонить, потому что прежнего отца и пастыря лишились, а нового нет. Отпевши обедню, пришел я к нему, свету, а он, государь, уже преставился, лежит как есть жив, и борода расчесана, лежит как есть у живого, а сам немерно хорош; и простясь с ним и поцеловав в руку, пошел я к умовению ног. В пятницу вынесли его, света, к Риз-Положению. Я вечером пошел один к Риз-Положению, и как подошел к дверям полунощным, а у него никакого сидельца нет, кому велел быть игумнам, те все разъехались, и я их велел смирать митрополиту: да такой грех, владыко святой, кого жаловал (покойный), те ради его смерти, лучший новинский игумен - тот первый поехал от него домой, а детей боярских я смирял сколько бог помочи дал; а над ним один священник говорит псалтырь, и тот говорит, во всю голову кричит, а двери все отворил; и я начал ему говорить: "Для чего ты не по подобию говоришь!" "Прости, государь, - отвечал он, - страх нашел великий, в утробе у него, святителя, безмерно шумело, так меня и страх взял; вдруг взнесло живот у него, государя, и лицо в ту ж пору стало пухнуть: меня и страх взял, думал, что ожил, для того я и двери отворил, хотел бежать". И на меня, прости, владыко святой, от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился; а вот и при мне грыжа-то ходит очень прытко в животе, как есть у живого; и мне пришло помышление такое от врага: побеги ты вон, тотчас тебя, вскоча, удавит! И я, перекрестись, взял за руку его, света, и стал целовать, а в уме держу то слово: от земли создан, и в землю идет, чего бояться? Да в ту ж пору как есть треснуло у него в устах, и я досталь испужался, да поостоялся, так мне полегчело от страха, да тем себя и оживил, что за руку его с молитвою взял. А погребли в субботу великую, и мы надселись, плачучи, а меня первого, грешного,

мерзкого, которая мука не ждет? Ей, все ожидают меня за злые дела, и достоин я, окаянный, тех мук за свои согрешения; а бояре и власти то же все говорили между собою; не было такого человека, который бы не плакал, на него смотря, потому: вчера с нами, а ныне безгласен лежит, и это к таким великим дням стало! И которые от ближних были со мною, все перервались плачучи, а всех пуще Трубецкой, да Михайла Одоевский, да Михайла Ртищев, да Василий Бутурлин плакали по нем, государе, что бог изволил скорым обычаем взять, и свои грехи вспоминаючи. Да сказывал мне Василий Бутурлин, а ему сказывал патриархов дяк: мнение на него, государя, великое было, то и говорил: переменить меня, скинуть меня хотят, а если и не отставят, то я сам от срама об отставке стану бить челом; и денег приготовил, с чем идти, как отставят, беспрестанно то и думал и говаривал, а неведомо отчего? У меня и отца моего духовного, содетель наш творец видит, ей, и на уме того не бывало и помыслить страшно на такое дело; прости, владыка святой, хотя бы и еретичества держался, и тут мне как одному отставить его без вашего собора? Чаю, владыка святой, хотя и в дальнем ты расстоянии с нами грешными, но то же скажешь, что отнюдь того не бывало, чтоб его, света, отставить или ссадить с бесчестием. А келейной казны у него, государя, осталось 13400 рублей с лишком, а сосудов серебряных, блюд, сковородок, кубков, стоп и тарелок много хороших, а переписывал я сам келейную казну, а если бы сам не ходил, то думаю, что и половины бы не по чему сыскать, потому что записки нет; не осталось бы ничего, все бы раскрали; редкая та статья, что записано, а то все без записки, сам он, государь, ведал наизусть, отнюдь ни который келейник сосудов тех не ведал; а какое, владыка святой, к ним строенье было у него, государя, в ум мне грешному не вместится! Не было того сосуда, чтоб не впятеро оберчено бумагою или киндяком! Да и в том меня, владыка святой, прости. Немного и я не покусился на иные сосуды, да милостию божиею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыка святой, ни до чего не дотронулся, мог бы я и вчетверо цену дать, да не хочу для того, что от бога грех, от людей зазорно: какой я буду прикащик? Самому мне брать, а деньги мне платить себе же? А теперь немерно рад, что ни до чего не дотронулся. Всяким людям, которые были у патриарха на жалованье, давал я из своих рук по десяти рублей; собирал я их в крестовую и говорил со слезами, чтоб поминали и не роптали; и они все плакали и благодарили; и говорил им я, чтоб поклонцев по силе или по кануну на всяк день творили; да и то я им говорил: есть ли между вами такой, кто б раба своего или рабыню мимо дела не оскорбил, иное за дело, а иное и пьян напившись оскорбит и напрасно бьют; а он, великий святитель, отец наш, если кого и понапрасну оскорбил, можно и потерпеть, да уже чтоб то ни было, теперь пора всякую злобу покинуть, молитесь и поминайте с радостью его, света, сколько сила может. А не дать было им и не потешить деньгами, поднялось бы роптание большое, потому что вконец бедны, и он, свет, у них жалованья гораздо много убавил. Да еще буди тебе, великому святителю, ведомо: во дворец посадил я Василья Бутурлина; а князь Алексей бил челом об отставке, и я его отставил; а

слово мое теперь во дворце добре страшно и делается без замедления. Да ведомо мне учинилось: князь Иван Хованский пишет в своих грамотах, будто он пропал и пропасть свою пишет, будто ты его заставляешь с собою у правила ежедневно быть; да и у нас перешептывали на меня: никогда такого бесчестья не было, что теперь государь нас выдал митрополитам; молю я тебя, владыка святой, пожалуй, не заставляй его с собою у правила стоять: добро, государь, учить премудра, премудрее будет, а безумному мозолие ему есть; да если и изволишь ему говорить, и ты говори от своего лица, будто к тебе мимо меня писали, а я к тебе, владыка святой, пишу духовную. Да Василий Отяев пишет к друзьям своим: лучше бы нам на Новой Земле за Сибирью с князем Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели с новгородским митрополитом быть, силою заставляет говеть, но никого силою не заставит богу веровать. И тебе бы, владыка святой, пожаловать, сие писание сохранить и скрыть втайне, и пожаловать тебе, великому господину, прочесть самому, не погнушаться нас грешных и нашим рукописанием непутным и несогласным".

Это письмо всего лучше объясняет нам явление Никона, ибо одного характера последнего недостаточно для объяснения тех отношений, в которых он нашелся к государю и государству: чувства, высказанные царем Алексеем Михайловичем в приведенном письме, переносят нас в то время, когда на Западе утверждалась власть папская, власть, укоренившаяся преимущественно вследствие характера западных вождей, незнакомых с государственными преданиями и привычками, господствовавшими в Византии, преданиями и привычками, которые, при всей религиозности императоров восточных, не давали им забывать о своем значении относительно высших пастырей церкви. Но вожди юных народов, подобно нашему царю Алексею Михайловичу, в излишнии своего религиозного христианского чувства, чувства смирения, не умели сдерживать его сознанием своего государственного значения; у них государь исчезал пред человеком, тем выше, разумеется, поднималось значение пастыря церкви, вязателя и решителя, судьи верховного, истолкователя закона божественного, особенно когда этот пастырь личными достоинствами своими не полагал никакой преграды обнаружению этого чувства смирения и умел пользоваться своим влиянием, своим положением. Царь Алексей Михайлович надселя, плачучи и по патриархе Иосифе, хотя, как человек чистый, не мог не чувствовать и не оскорбляться недостойнством, мелочностью, недуховным поведением этого патриарха; но он гнал от себя греховную мысль о недостойнствах Иосифа, как нежный и почтительный сын гонит от себя мысль о недостойнствах отца. Тем с большею силою религиозный молодой человек обращал свою любовь к достойному пастырю, тут уже он не щадил слов для выражения этой любви, чтоб возвысить любимый предмет и унижить пред ним самого себя, ибо приемы всякого рода любви одинаковы. Таким образом, сам царь Алексей Михайлович по характеру своему поставил Никона так высоко, как не стоял ни один патриарх, ни один митрополит ни при одном царе и великом князе.

Кроме этого, много указаний на другие отношения времени рассеяно в этом драгоценном письме. Богослужение имело великое значение в жизни каждого, и не раз высказывает царь, как тяжело ему, что патриарх умер к таким великим дням; в Светлое воскресенье не будет служить патриарх; праздник не в праздник! "Церковь как пустынная голубица пребывает, не имея подружия". Любопытны понятия, в которых воспитывался тогдашний русский человек: при виде разложения трупа царю приходит мысль: "Побеги вон, тотчас тебя, вскопча, удавит". Любопытна эта патриархальность, простота отношений, переносящая нас опять к началу средних веков: царь всем распоряжается, сам переписывает имение, оставшееся после покойного, и при этом добродушно говорит страшные слова против современного ему общества: "Если б я сам не стал переписывать, то все раскрали бы"; тут же обнаруживается, как понятия Домостроя были крепки в русском человеке: с удивлением и с глубоким уважением отзывается Алексей Михайлович о бережливости Иосифа: "А какое строение было у него, государя, в уме моем грешном не вместится: не было того сосуда, чтоб не впятеро оберчено". Наконец обнаруживаются отношения молодого царя к придворным: старый начальник приказа Большого дворца вышел в отставку, назначен новый, и царь очень доволен переменой, потому что слово его теперь во дворце добре страшно и делается без замедления. Приверженность царя к новгородскому митрополиту уже не очень нравится боярам, ибо этот митрополит хочет привести их в свою волю. "Никогда такого бесчестья не было, - шепчут они, - выдал нас царь митрополитам". Царь в большом затруднении: с одной стороны, он сильно привязан к Никону, непременно хочет, чтоб он был патриархом; но этот Никон своим крутым обхождением возбудил сильное неудовольствие в боярах, и вот Алексей Михайлович пишет Никону, чтоб он был поспоконнее, не принуждал Хованского слушать правила, и в то же время пишет, чтоб Никон, говоря об этом с Хованским, не выдал его, царя: Алексею Михайловичу не хочется, чтоб бояре узнали, как он предан Никону, как он заодно с ним против них. Доброта таких людей, как Алексей Михайлович, делает их зависимыми от окружающих: не могут они выносить около себя недовольных лиц, хотя от этого в отдалении и очень много недовольных, но их не видно. В минуту вспыльчивости царь Алексей сильно разберит и прибудет близкого человека, смирит его собственноручно, но мысль, что окружающие недовольны, сердятся, была для него невыносима.

Два раза в письмах своих к Никону царь говорит об избрании преемника Иосифу; в одном месте пишет: "Возвращайся, господа ради, поскорее к нам, выбирать на патриаршество именем Феогноста, а без тебя отнюдь ни за что не примемся". В другом: "Помолись, владыка святой, чтоб господь бог наш дал нам пастыря и отца, кто ему свету годен, имя вышеписанное (Феогност), а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит, да отец мой духовный, и сказывают, свят муж". Разумеется, Никон хорошо понимал намеки царя, знал, кто этот Феогност (известный богу).

Никон приехал в Москву в июле 1652 года, был выбран в патриархи и отрекся - отрекся для того, чтоб быть выбранным на всей своей воле, чтоб товарищи Хованского не мешали ему. В Успенском соборе, при мощах св. Филиппа, царь, лежа на земле и проливая слезы со всеми окружавшими, умолял Никона не отречься. Никон, обратясь к боярам и народу, спросил: "Будут ли почитать его как архипастыря и отца, и дадут ли ему устроить церковь?" Все клялись, что будут и дадут, и Никон согласился. Это было 22 июля; 25-го он был посвящен.